

Дмитрий Гаврилов ❀ Анна Гаврилова

КРОВЬ НА МЕЧАХ



Нас рассудят боги

Кровь на мечях

Дмитрий Гаврилов

Кровь на мечях. Нас рассудят боги

«Гаврилов Дмитрий »

2012

Гаврилов Д. А.

Кровь на мечях. Нас рассудят боги / Д. А. Гаврилов — «Гаврилов Дмитрий », 2012 — (Кровь на мечях)

ISBN 978-5-699-55492-8

Они заклётые враги с раннего детства – русский язычник, чтящий исконных богов, и русский христианин, принявший новую эру. Их судьбу должен был решить судебный поединок (есть обиды, за которые виру берут не серебром, а кровью), если бы не хазарское нашествие, заставившее их забыть старые счеты и плечом к плечу принять бой против общего врага, став соратниками, братьями по оружию, почти друзьями... Но когда воюют не только князья и народы, а даже боги, когда сталкиваются религии и шатаются небеса, смертным не вырваться из этого кровавого круга – после победы над хазарами им приказано завершить давний спор, скрестив мечи в беспощадной схватке. Кто из них прав? Кто виноват? Кому жить? Кому умирать? ПУСТЬ РАССУДЯТ БОГИ... Читайте новый исторический роман в жанре «языческого боевика» – первую книгу серии «Иду на вы!». Узнайте, в каком «прекрасном и яростном мире» жили наши предки, во что верили, за что умирали, во имя кого побеждали.

ISBN 978-5-699-55492-8

© Гаврилов Д. А., 2012

© Гаврилов Дмитрий , 2012

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дмитрий Анатольевич Гаврилов, Анна Сергеевна Гаврилов Кровь на мечях. Нас рассудят боги

Пролог

Предрассветную тишину пререзал дикий крик. Тут же раздался еще один, истошный. И снова вопль, и еще...

Мгновение, а мир словно бы разорвался на части, от прежнего беззвучья не осталось и следа. Звон певучих тетив, посвист острых стрел, стенание высвобождаемых клинков, яростный рев воинов, ржание взбешенных лошадей, плеск днепровской воды, взбиваемой сотнями копыт, – все смешалось.

– Сколько же их?! – прошептал князь. И выпалил, будто здравницу на пиру: – К бою! Пощады не давать... никому! Истребить всех до единого! Правда за нами, на земле она – не в небесах!

Ему ответил зычный, многоголосый хор:

– Слава князю!

– Русь! Русь!

Разом вдоль берега вспыхнули факела, огненная лавина растекалась по склонам. Туда, к Днепру, где из пенных вод на песок выбираются новые черные толпища степняков.

Один за другим возгораются сигнальные костры. Сюда устремятся лодьи тех, кому вот уже сейчас, еще немного, привечать хазаров посреди реки – на переправе, награждать гнилое племя злыми укусами стрел и страшными ударами рогатин.

– За князя!

– За Новград! За Киев!

Хазары спешат покинуть предательские воды, карабкаются, еще не разумея, откуда взялась напасть. Передовые узрели и уже почуяли на собственной шкуре – на берегу ждет смерть! Но все равно не остановятся, потому как следом нескончаемой змеей изгибается, извивается, но плывет сотня сотен воинов, приученных воевать и побеждать самого хитрого, самого упорного врага.

Они и сейчас намерены победить, разорить, наказать воспрявший духом Киев, восставшую супротив Степи Русь.

– Не выйдет! Не позволим! – глухо прорычал князь. – Кровью умоетесь и захлебнетесь.

Словно вторя его словам, над горизонтом восставало багряное солнце.

Часть первая

Глава 1

Воздух раскалился так, что и дышать страшно – кажется, жаркая пустота вот-вот опалит горло, выжжет все внутри. Пот по спине тонкими струйками – вскоре рубаша промокла насквозь, отяжелела...

Капли влаги проступают на лбу, быстро катятся вниз, оставляя соленые дорожки на чумазом лице.

– Фух, как в бане! – выдохнул Добря и в который раз утер лоб рукавом.

Он схватился за край бревна, поднатужился, но упрямая деревяшка не поддалась.

– Брось! – гаркнул отец. – Пупок развяжется!

– Не развяжется... Сейчас, только передвину этот край...

– Добря!

Мальчишка обернулся и, уловив во взгляде отца нешуточный гнев, отдернул руки. От жара бревна и доски истекают смолами, ладони у Добри липкие. Попытался вытереть о штаны, но только сильнее испачкался.

– Шел бы ты отсюда, – проворчал отец.

Сам без рубахи, в одних портах. Огромный, мощный, широкоплечий. От долгой работы под палящим солнцем кожа пропиталась бронзой, а волосы, наоборот, выгорели, стали тусклыми. Завидев этого громилу, все заезжие пугались, жались к стенам, принимая за разбойника, которого новый князь пленил и принудил работать ко всеобщей пользе. А местные не без ехидства рассказывали, что вовсе не душегуб, а лучший во всей округе плотник.

Вяч действительно был лучшим и доказал это, едва взялся за топор. Даже новый князь, проезжавший мимо, приостановил коня и удивленно смотрел, как деревенский здоровяк обтесывает бревно. А уж когда Вяч построил первый дом – назначил старшим плотником и жалованье положил.

– Добря, иди-ка ты отсюда... – повторил отец нехотя. – А то солнце в темечко ударит, и все, не быть тебе ни ратником, ни плотником.

Мальчуган захлебнулся вздохом, мгновенно покраснел, глаза блеснули недобрыми слезинками. Вяч заметил, растянул губы в добродушной улыбке:

– Иди, сынок. Как спадет жара, вернешься.

– А ты? – сурово спросил Добря.

– А мне Сварожий свет нипочем, – ответил плотник. Солнечные лучи путались в густой бороде, сияли.

Добря задрал голову, шмыгнул носом и пробормотал недовольное:

– Ладно.

Он медленно шагал прочь, переваливал через бревна, обходил груды струганых досок. Несмотря на редкую жару, отовсюду слышались стук топоров и веселые крики рабочих. Вдалеке мелькали женские фигурки – жены и дочери носят работягам питье, чтоб не померли от зноя.

За этот день город чуть подрос, впрочем, это заметно только им – плотникам. Простой люд на такие мелочи внимания не обращает, знай себе ворчит, что шума много. Да и на запах смолистой древесины жалуются, дескать, висит едким облаком, ноздри щекочет.

Добря фыркнул, оглянулся. Отца уже не видать – бревна загораживают, остальные тоже вроде как не смотрят. Паренек сделал несколько осторожных шагов, снова обернулся, на этот раз воровато... и пустился бегом.

Сегодня на улицах Рюрикова города пусто, потому как жарница разогнала по избам, но это хорошо – не нужно уворачиваться от прохожих, и никто не ругается в спину, не грозит оторвать уши. А частокол княжьего подворья приближается стремительно, вырастает угрожающей стеной. Бревна ровные, свежие и заточены как следует, ни один враг не пролезет. Ну, а в тени, точно под частоколом, уже возятся, пищат и дерутся мальчишки.

– Ага! – заорал Добря и с разбегу врезался в толпу.

Равновесие удержать не смог, повалился на землю, увлекая за собой еще пару приятелей. Те брыкались, визжали, один даже кулаком в нос заехал, но это случайно. В ход пошли руки и ноги, кто-то дернул за рубаху, следом получил болючий пинок по самому мягкому месту. Добря ухватил за ворот того, кто был ближе, перекувыркнулся, таща его за собой. Но драка не удалась, потому как в следующий миг ликующий голос крикнул:

– Идут!

Добря отпустил противника, вскочил и рванул к стене.

В частоколе была только одна щель, зато длинная, и если успеть занять местечко получше, можно рассмотреть все-все. Он прильнул, уперся лбом в горячую древесину, сердце замедлилось, дыхание сбилось. Мальчишки облепили щель, как мухи. Сверху нависают, снизу упираются, отталкивают. Дышат осторожно, благоговейно молчат.

Воины выходили медленно, щурились от яркого солнца. Все в простых льняных рубахах и портах, некоторые даже сапог не надели. Лезвия мечей ловят солнечные блики, хищно блестя. Голос воеводы Сигурда грянул раскатистым басом, заставил всех вытянуться по струнке:

– Готовьсь! К бою!

Сонное благолепие Рюрикова града прорвал шквал звуков – крики, ахи, топот, визг железа. Кто-то из вояк успевал даже шутить, и не всегда пристойно. Мальчишки жадно ловили каждое движение, каждый шаг, сжимали кулачки, охали, если «любимый воин» промахивался, и ликовали, если удар ложился крепко. Дружинники бились остервенело, не обращая ни малейшего внимания на зной, а наблюдатели изредка забывали, что поединки шутейные, пищали под частоколом:

– Так его!

– Бей гада!

– Эй, сзади!

Но их вскрики тонули в общем гаме, зато голос воеводы возвышался, перекрикивал все и вся:

– А ну, не зевай! Бей резче! Возитесь, как мухи в меду! Я те зевну, я те так щас зевну!

Добря чувствовал, как по телу разливается мощь, как наливаются силой ноги и руки, нетерпеливо дергаются плечи. Ему тоже хотелось драться, прямо сейчас, сию минуту! И пусть без дорогого меча, без красивого щита с соколом-рарогом – пусть! Главное, чтобы враг был настоящим! Он бы ему показал, он бы такое ему показал...

Не выдержав, Добря пнул соседа, того, который сидел на корточках, скрючившись, и так же всматривался в происходящее. Мальчишка отмахнулся, не отрывая глаз от щели в частоколе, погрозил кулаком. Добря снова пнул, на этот раз сильнее, но пацан оказался стойким – не шевельнулся. Тогда Добря схватил его за ворот, потянул с такой силой, что ткань рубахи затрещала. Обиженный мальчишка взвился, глянул сурово и толкнул Добрю в грудь:

– Отвали! – На лбу появились суровые морщины, ноздри раздулись, как у злого лесного кота.

– А если не отвалою, то что? – ответил Добря с вызовом. – Расплачешься и побежишь к мамке?

Он с явной радостью потирал кулаки, ноги расставил пошире, чуть согнул в коленях. Противник оказался-то на полголовы выше и на полгода старше, значит – настоящий громила. Победить такого – великая заслуга! Добря пригнулся и бросился вперед, но подлый мальчишка

увернулся, отскочил, отвесил хитрый пинок. А во второй раз уйти не удалось, сшиблись грудь в грудь, замелькали кулаки, рыки стали громкими, настоящими. Другие уже оставили наблюдательный пост, подбадривали, советовали, как разить.

Громила удачно подсек, сбил Добрю с ног, оба покатались по твердой, как булыжник, земле. Пыль поднялась такая, что дальше собственного носа ничего не видать, но мальчишки продолжали мутузить друг друга, трепать, колотить. Противник залепил кулаком в ухо, в голове у Добри зазвенели тысячи крошечных колокольчиков, но он не отступился, наоборот – начал бить с таким остервенением, что соперник взвыл и пустил в ход зубы...

Внезапно что-то больно врезалось в спину. Добря расцепил пальцы, перекатился, вскочил на ноги. Соперник остался беспомощно лежать на земле, пыль оседала на поверженное тело медленно и очень неохотно. Зачинщик драки хищно глянул по сторонам, и губы сами растянулись в широкой улыбке.

Со стороны княжьего двора, перегнувшись через частокол, на них смотрели отроки. Чистенькие, довольные, в белоснежных льняных рубахах. Вот они – настоящие враги! Отмутузить эту ватагу мечтают все городские мальчишки, но больше всех встретить отроков на улице жаждет Добря. Мальчишка не раз представлял, как валяет в грязи этих зазнаек, как расшвыривает, разбивает носы. А те сперва храбрятся, но после с постыдными всхлипами молят о пощаде и с великим позором мчатся к княжескому двору – жаловаться. А справедливый князь, видя такую удаль...

– Эй, деревенщина, чего шумишь?

Голос принадлежал рыжему Торни – самому противному, самому вредному мальчишке, который, ко всему прочему, заметно коверкал слова. Его отец из пришлых – свей. Дружинник княжьего шурина, коего северяне величают по-своему – хелги Орвар Одд, а словене кличут проще – Олегом.

И мать у Торни вроде как из свеев, но ее никто никогда не видел. Шептались, дескать, не захотела строптивая баба последовать за мужем в новые земли, так и осталась в дикой северной стране, а он уехал и сына малолетнего с собой захватил. Небывалое дело для славян, чтобы жена да мужа, особенно воина, послушалась.

Добря поморщился, вспомнив, что Торни всего-то девять. Малявка! А Добре – целых десять, вот-вот одиннадцать! Нет чести в том, чтобы начистить уши рыжему зазнайке, но ведь до того охота, даже свербит...

Мальчишка расправил плечи, упер руки в бока, и голос его зазвучал по-взрослому серьезно:

– Выходи, рыжий! А ежели боишься, пришли другого – покрепче.

Отрок сощурился, в его руке появился увесистый камень. Другие тоже взвешивали на ладошках «бульники», скалились недобро.

– Вот еще! – фыркнул Торни. – Мне с тобой драться не положено. Я княжеский отрок, а ты – деревенщина, и портки у тебя навозом перепачканы.

Добря решительно сжал кулаки, внутри вскипела ярость, ударила в голову.

– И ничего не перепачкано! И не деревня я!

– Добря уже два лета в городе живет, – вступился кто-то из своих. – А ты, Торни, просто трусишь!

– Я? – воскликнул рыжий. – Да я таких, как ваш Добря, с одного удара кладу!

Добря расплылся, хотя в глубине души все-таки кольнул страх – а вдруг и взаправду? Ведь отроков с малолетства дракам учат и приемам всяким. Но опасений мальчишка не выдал, протянул нагло:

– Так выйди и докажи...

Торни дернулся, его личико стало серьезным, решительным. Явно вознамерился спуститься со стены и выйти за ворота княжьего двора. Но дружки свея, среди которых были и рыжие, и русые, как Добря, зароптали.

– Нет! – зло выпалил Торни. – Негоже воину сражаться с простолюдином. Нам ведь наоборот – защищать мужичье, а не бить. Так князь говорит.

За забором по-прежнему слышен топот, лязг, рыки. Потешная битва набирает ход, разгоряченные дружинники бьются, уворачиваются от ударов, бранятся. Чуть поодаль слышится свист частых стрел.

Торни некоторое время прислушивался, затем продолжил с едва уловимой грустью:

– Да, ты уже не деревенщина. Городской. Но твой отец – плотник, и тебе быть плотником. А мой отец – воин. Не буду с тобой драться, нельзя мне.

– Трус! – закричал Добря. – Трус!

– Нет! – рявкнул Торни, подражая басовитому Сигурду. – Не положено мне!

– Все равно до тебя доберусь! – не унимался задира. – И так поколочу, что плакать будешь!

Рыжий поджал губы, насупил, но все-таки стерпел. Бросил с презрением:

– Был бы ты отроком, я б тебя...

– Трус! Трус! Трус! Все свеи и мурманы – трусливые зайцы!

Раскатистый бас княжьего воеводы настиг внезапно, ударил по ушам:

– Эй, кто орет?

Мальчишки бросились врассыпную, помчались, взбивая пыль, одни лишь пятки сверкали. Добря бежал последним: в отличие от других, он ничуть не боялся порки – а по слухам, Сигурд может запросто выдрать и отрока, и простого мальчугана, и даже воина – куда страшнее осрамиться, опозориться, выказать страх. Всю дорогу до дома в голове звенели последние слова трусливого Торни, самые обидные слова! И слезинки накатывались на глаза жгучими каплями.

Добря едва дотерпел до дома, а ворвавшись в избу, забился в угол, с головой укрылся стеганым одеялом. Рыдал мальчик тихо, в отчаянье кусал кулаки, беззвучно подвывал. Его трясло, глаза щипало, а сердце колотилось, хотело выпрыгнуть из груди.

– Свей, – цедил Добря сквозь зубы. – Я тебе покажу отрока. Я тебе покажу.

К горлу снова подкатили рыдания, слезы брызнули ручьем, грудь сжало болью. Добря почувствовал, как на плечи свалилась целая гора. Но почему?! Почему Хозяйка Судеб так немилостива к нему? Почему его отец – жалкий простолюдин, вонючий плотник? За что такое наказание? Чем Добря хуже гадкого Торни?

* * *

Седовласый волхв кивал, но слушал с явным неудовольствием. Пальцы, тонкие, как веточки, то и дело касались бороды. Во взгляде все чаще проявлялась старческая рассеянность. Наконец, старик не выдержал, перебил:

– Вот ты, Вадим, говоришь, де Рюрик – чужак, пришлый он. Но разве не единого деда вы внуки. И не сестры ли матери ваши?

Названный Вадимом встрепенулся, растянул губы в недоброй улыбке. Будто передразнивая старца, пригладил короткую бороду.

– Да хоть бы и так, – с вызовом проговорил он. – Я с пеленок пью воду Волхова. Мне здесь все родное. А он и родился за морем, и говорит не по-нашенски, и обычая нашего не ведает, и жены у него не словенские, одна – из ляхов, а самая молодая – мурманка.

На последних словах лицо Вадима заметно искривилось, щеки покраснели, синеглазый взгляд блеснул ненавистью. Молодой, сильный, повадками подражал голодному лесному мед-

ведю, хоть и был мелковат ростом. Он сделал несколько шагов по горнице, начал поигрывать плечами, словно хотел напугать собеседника.

– Это ничего... – равнодушно протянул волхв и вздохнул: – Гостомысла тоже поначалу не понимали, так слова перевирал, что и вспоминать страшно. Но потом и он обвыкся, и народ научился различать его речь, а он – нашу. Рассудительный был человек.

– Это ты к чему, старик?

– А к тому, что и прежний князь не здешний был, из Вандалии пришел, как Рюрик. Да ты и сам, поди, ведаешь.

– Не ведаю! – бросил Вадим резко. – Но сплетни такие слышал.

– Не сплетни, – возразил волхв. – Я тому свидетель и участник. Это же я Гостомысла в Алодь привел, почитай уж двадцать лет тому назад.

Вадим вскипел, крикнул зло:

– Да быть того не может! Мне ни мать, ни отец про то ни словом не обмолвились!

– Отца твоего помню, лютый воин был. Безоглядный. Но такие, как он, быстро сгорают, вот и... не успел тебе ничего рассказать. А Рогана? Боги ей судьи! Озлобилась баба на мир. Сперва в девках засиделась, потом, знаю, Умиле завидовала... И мужики вокруг нее мерли...

Вадим пропустил едкое замечание мимо ушей, сказал подозрительно:

– Так как же это выходит? Выкладывай.

– Как выходит? Да просто. У Буриной, твоего прадеда, не было сыновей. И он, дабы род Словенов не пресекся, дочь любимую Гостомыслу отдал. Вот и породнились. А когда свеи одолевать стали, отправились мы за море в Велиград, к Гостомыслу, за подмогою. Чай, родня. Тогда Гостомysl венедских королей подговорил – большое войско собрали, вместе мы и побии врага. А через много лет, когда в Венедии уж сам Гостомysl правил, Буриной занемог. И тут, как назло, снова свеи пришли, Алодь старую прибрали. Да еще корела в спину ударила... Буриной тогда в крепости на Наяве заперся. А понял, что конец близок, снова послал к Гостомыслу – по прежней памяти.

А Гостомysl крепок был, и род у него сильный, как раскидистое дерево. Только сперва девки нарождались, но после и парни пошли. Когда Гостомysl в наши земли уходил, Умила уж замужем была, вот и оставил ее там, за морем. А остальных с собой забрал, и Рогану – родительницу твою. Гостомysl и Алодь возвернул, и свея прогнал, и корелу усмирил. И чудь да весь со словенами и русью помирил да рассудил.

Ладони Вадима сжались в кулаки, грудь раздулась, но голос прозвучал довольно сдержанно:

– Да при чем здесь это? Какого рожна Гостомysl Вельмуда за ругами да ваграми отправил?

– Вельмуд той же крови, он из ругов, а ныне и вовсе – князь Русы.

– Али сами бы не управились? Совсем дед ополоумел на старости лет, – не унимался Вадим.

– Сон ему был. Разве не слышал? – невозмутимо пояснил волхв.

– Не верю я в эту чепуху! Ни в сон вещий, ни в чих! Все это Велесовы хитрости. Признавайся! Ты его надоумил права законного наследника обойти?

Волхв уныло покачал головой, отозвался будто нехотя:

– Вадим, да пойми... Рюрик – бывалый воин. За ним и братья, сотни и тысячи других вендов – вагры, бодричи, руги. С такой силой проще землю оборонять от неприятеля. Гостомysl за дело болел. Так он рассудил. Так тому и быть.

– Враки, – ответил Вадим. – Я народ подниму, на каждого дружинника иноземного впяттером навалимся... Пусть хоть венед, хоть мурманин! Варяги! И что их сила? Эта земля живет по законам крови! И даже если мой дед – Гостомysl – пришлый, я – здешний, на этой земле вскормленный!

Голос волхва прозвучал тускло, точно сам с собой говорил:

– Рюрик старше тебя, опытней. Тебе только двадцать зим исполнилось...

– И что?

– Песью кровь должно обновлять волчьей, – словно не расслышав слов Вадима, продолжил волхв. – Не спорь с варягами. Шею свернут. Только зазря свой народ под топор подведешь. Рюрика союзное вече признало по завету Гостомыслову. Не по зубам тебе с братом тягаться.

– Ну, это мы еще поглядим, – огрызнулся Вадим.

Он вышел из хоромин, громко хлопнув дверью.

– Волхв... – с досадой прорычал Вадим и плюнул на пол. – Угораздило же позвать в Славну¹ этого проклятого старика! Теперь пока в свое лесное убежище не вернется, поучать будет, советовать. Но я все равно по-своему сделаю. Эй, там! – крикнул он. – Коня мне! Вече? Понаехало с разных концов всякой чуди да веси... инородье... А самих словен кто спросил?

– Да, – хмыкнул волхв в бороду, – сколько лет живу на свете, лишний раз убеждаюсь, что жаба – могучее животное! Такая маленькая, а сколько людей задавила!

¹ Славна – Словенск, древнейшая часть (конец) будущего Великого Новгорода.

Глава 2

Новый день обещал быть еще жарче. Пурпурное солнце медленно взбиралось на распахнутое всем ветрам небо, а прохлада – остаток ночи – стремительно отступала.

– Еще пара таких деньков – река закипит, – неодобрительно пробормотал Вяч.

Старший плотник выскреб из миски остатки каши, тщательно облизал ложку. После жадно приложился к кувшину с квасом, пенистые струйки устремились по бороде, оставили мокрые следы на рубахе. Добря наблюдал за отцом очень внимательно, каждое движение ловил.

– А ты, – обратился Вяч к сыну, – чего бледный такой? А глаза почему красные?

Мальчишка смутился, отвел взор, забормотал торопливо:

– Да просто Торни драться не хочет и обзывается обидно.

– Торни? Это из княжских отроков, что ли?

– Ну да...

Вяч тяжело вздохнул и поднялся из-за стола. Он сделал несколько шагов к двери, бросил с порога:

– Ты сегодня дома посиди, а то спечешься. И мамке по хозяйству помощи, совсем замолталась.

Добря кивнул, но едва отец покинул избу, сам рванул на улицу. Мамке помочь всегда успеет, мамка никуда не денется.

Мысли в голове спотыкались и путались, да и сам Добря то и дело спотыкался. Он с опаской косился на прохожих, то и дело поглядывал на высокую макушку княжьего терема. Впереди показалась стайка мальчишек, кто-то часто махал рукой, наконец, слуха достиг задорный крик:

– Айда на речку!

Добря помотал головой, прогоняя тяжелые мысли, и прибавил шагу. А после и вовсе пустился бегом. Нагнал приятелей быстро, отвесил оплеуху тому, что шел последним, вылетел вперед и тут же встал как вкопанный.

– Ух ты... – протянул кто-то.

Мальчишки разом попятились, давая дорогу, застыли с распахнутыми ртами. Из ворот княжеского двора медленно выдвигался конный отряд. Воины без особого доспеха, но при оружии, и даже щиты взяли. Кони пофыркивали, копыта взбивали сухую дорожную пыль. Мужчины держались в седлах легко, величественно, сразу ясно, кому служат.

Отряд приближался, Добря различил лицо предводителя, и кулачки непроизвольно сжались. Вид у Олега болезненный: бледное вытянутое лицо, под глазами мешки, какие бывают от долгих тяжелых ночных раздумий. А очи пронзительно-зеленые, блестят странно, и кудри полыхают, подобно пожару, даже зажмуриться охота.

– Свей... или мурманин, – неодобрительно пробормотал Добря и громко фыркнул: – Купаться-то идем?

– Да погоди, – пролепетал кто-то.

Мальчишки неотрывно смотрели на воинов, выпрямляли спины и задирали подбородки, стараясь подражать. Кто-то переминался с ноги на ногу, уже готовился бежать следом за всадниками.

– Не хотите – как хотите, – бросил Добря. Он уверенно двинулся вперед, туда, откуда чуть заметно веяло прохладой и затхлостью прибрежной тины. – Я дело одно задумал. Важное. Но с ротозеями, вроде вас, каши все равно не сварю. Обойдусь.

Спиной чувствовал, как нарастает любопытство приятелей, как мнутя, думают – за кем бежать. На губах то и дело вспыхивала озорная улыбка, но он крепче сжимал кулаки и пытался принять серьезный вид.

– Добря, погоди! Мы с тобой!

Ждать в засаде пришлось долго. В животах уже урчало, и, несмотря на откровенный холод, царящий у самой воды, пот катился торопливыми каплями. Набралось всего четверо смельчаков, но зачинщик не расстроился, наоборот – тем краше будет слава. А остальных теперь можно высмеивать и мутузить за трусость.

Княжьи отроки появились ближе к вечеру. Пришли всей толпой. Чистенькие, румяные, в белоснежных рубашечках. Торопливо скинули одежду, с визгами попрыгали в речку. Довольные и счастливые, мальчишки сразу же принялись брызгаться, нырять.

– Тоже мне воины, – прошептал Добря злорадно. – Воин должен быть бдителен всегда, даже когда спит или тужится в отхожем месте.

Он пополз первым. Рубашки и портки хватал без разбора, юрким хором прошмыгнул обратно в кусты. Приятели выдвинулись с опаской, а вернулись красные, встревоженные. Их тяжелое дыханье и полные страха глаза развеселили Добрю, но вида зачинщик не подал – воин должен уважать соратников. Берег, который прежде пестрел от одежд, опустел, а в воде по-прежнему плескались беззаботные отроки. В спокойных водах мелькали руки, ноги, головы. Крики и визги были громкими, даже уши закладывало.

– И что теперь? – шепотом спросил кто-то.

– А теперь в город, – отозвался Добря, мечтательно улыбнулся.

Он деловито расстелил одну из рубах, остальную добычу скомкал, все стянул в узел. Ушли бесшумно, хотя до колик хотелось повернуться и закричать во все горло.

– Не хотят по-хорошему, – пояснял Добря, – придется вот так, как с бабами.

Узел перекинули через частокол княжьего двора, а сами сели поодаль в ожидании потехи. И только когда красное солнце скрылось за горизонтом, послышался топот. Отроки мчались через весь город, стыдливо прикрываясь – кто руками, кто охапками травы. В ворота стучали требовательно, бросали гневные, полные обиды взгляды на хохочущих мальчишек, улыбчивых горожанок и мужиков.

Стражники тоже потешались во весь голос, улюлюкали, долго не пропускали. Все допытывались – а те ли это отроки, что вышли с княжеского двора днем.

Добря расплылся в многозначительной улыбке, протянул:

– Все, теперь не отвертятся. Такой позор никто не стерпит.

И действительно, через некоторое время заклятые враги вновь появились на улице. Кулаки сжимаются, глаза блестят, лица перекошены злобой.

Торни получил по зубам первым, жаль только на ногах устоял, а не отлетел в сторону, как мечталось Добре.

– Четверо против дюжины – не честно! – воскликнул Добря, но все равно ринулся на врага.

Крики становились громче, злее. В ход шли и зубы. На шум примчались остальные – те, кто побоялся участвовать в придумке с воровством одежды. Драка закипела с новой силой – мутузили, колошматили, втапывали в пыль, таскали друг друга за грудки. А первый тихий всхлип одного из отроков прозвучал для местных, как победный гул рога. Но чужаки и не думали сдаваться, кидались на противников яростно, били с такой злобой, о какой мужичье даже не слыхивало. Торни и Добря сходились снова и снова, оба утирали разбитые носы.

– Хватит! – заревело над головами.

Но объятые жаждой мести мальчишки даже не вздрогнули. Продолжали катать друг дружку по земле, пинать, кусать. По пыльной дороге крупными рубинами рассыпались капли крови, клочки волос и одежды.

– Прекратить драку! – снова взревел голос.

Сквозь звон в ушах Добря узнал воеводу и ринулся на Торни, как голодный медведь. Схватил за ворот, приподнял и швырнул в сторону. Рыжий Торни не смог воспротивиться,

отлетел, врезался в стайку других отроков. Те уже бросили драться, угрюмо отталкивали врагов, повинаясь призыву дядьки. Городские мальчишки тоже отступили, бросали на отроков боязливые взгляды, но в облике каждого было столько достоинства... Глазами кричали – если бы не старший, не сносить вам голов!

– Стоять! – прорычал Сигурд.

И драка утихла окончательно.

На суровом лице воспитателя играла кривоватая усмешка, глаза горели смехом. Воевода не смог скрыть довольство, даже руки потер нетерпеливо.

– Так, так... И что здесь произошло? – пробасил он.

Мальчишки сбились в стаи, молчали по-взрослому сурово, мерили друг друга сердитыми взглядами. Из разбитых носов сочились тонкие ручейки крови, но никто даже не пытался утереться. На румяных щеках отроков ссадины, да и изморенные мордашки городских не лучше. Почти у каждого вот-вот расцветет по дюжине синяков. Наконец, кто-то из «княжьих» выпалил:

– Они украли нашу одежду!

Добря не смог сдержать улыбку.

– О как... – протянул Сигурд бесцветно. Он деловито поправил пояс, вновь сложил руки на груди. – Позор. Обворовали, как девок на сенокосе. А вы чего? Не следили?

Отроки дружно молчали, в свое оправдание потирали кулаки и пытались уничтожить взглядами тех, кто нагло хихикал напротив.

– Значится, не следили, – заключил Сигурд. И обратился к местным с какой-то особой, едва уловимой нежностью: – А вы чего проказничать вздумали?

Прежде городские и мечтать не могли о таком внимании, сразу прекратили хихикать, потупились. Обнаружив, что смельчаков в толпе соратников нет, Добря надул грудь и шагнул вперед. Взгляд уперся в грозную фигуру воеводы, но мальчишечий голос не дрогнул:

– Силой померяться хотели. Сперва по-хорошему просили, но они трусили, отбrehивались. Пришлось опозорить.

Старший смерил Добрю загадочным взглядом, уголки губ поползли вверх.

– Как звать?

– Добрей. Добродеем, – отозвался зачинщик.

– Молодец, Добродей. Для воина хитрость порою важнее отваги будет. И дерешься неплохо. Хвалю! Жаль, что среди княжьих отроков таких храбрецов нет. А ведь смельчаки ой как нужны.

Мальчишка гордо вышагивал по тихим улочкам, голову задирал так, что даже спотыкался. Поодаль, затаив дыхание, топали остальные. Благоговейное молчание изредка нарушали радостные вскрики и похвалы.

– То-то! – рассуждал Добря. – Будут знать! Воевода Сигурд абы кого не похвалит!

Настроение забияки испортилось, как только ступил на порог дома. Отец – плотник, военных хитростей не разумеет и не ценит. Жаль еще, рука у него тяжелая... и пороть умеет, как никто другой.

– Ишь! – приговаривал Вяч. – В отроки ему захотелось! В княжеские! Я те покажу!

А отходя ремнем, все-таки прижал хнычущего сына к груди, проговорил устало:

– Добря, да ты пойми... Так мир устроен, и ничего с этим не поделаешь. Одному на роду написано княжить, другому – воевать, третьему – доски строгать... Не быть тебе воином, никогда не быть. Так что оставь пустые выдумки.

* * *

Попа болела страшно, горела, будто сел на раскаленную сковороду. Но ревел Добря не от боли. От обиды второй день плакал. Под вечер мамка нашла мальчугана в клеті, всплеснула руками, но он вырвался, некоторое время хоронился за поленницей, после пробрался в избу и забился в любимый угол, с головой накрылся одеялом.

– Добря, ты здесь?

Мальчик замер, притих, хотя рыдания по-прежнему разрывали грудь и сдавливали горло. Слезы теперь катились безмолвные, злющие, как все змеи подземного царства.

– Добря? – снова позвал отец.

После недолгого молчания дверь скрипнула – ушел.

Несмотря на зной, который умудрился пробраться даже в избу, мальчика колотило так, будто вокруг сплошные льды. Мороз, взявшийся неведь откуда, больно кусал за пятки, вгрызался в локти. Добря сжался под одеялом, трясся, беззвучно подвывал стуже. Он-то и дело проваливался в небытие, пробуждался от собственных всхлипов, снова забывался.

Когда мороз, наконец, отступил, а глаза распухли так, что мальчик даже темноту разглядеть не мог, рядом послышались голоса. Добря насторожился и перестал дышать.

– Да как же так, – возмущенно шептал незнакомый голос, – против князя?! Против благодетеля?

– Кто благодетель? – ответил другой, в нем Добря с большим трудом различил голос отца. – Рюрик? Рюрик пришлый, он наших законов толком не знает, по-словенски едва говорит, как княжить-то будет?

Люди завозились, зароптали, кто-то остервенело чесался, кто-то громко пыхтел. Добря остороженько подтянул одеяло, так, что его краешек чуть-чуть отодвинулся, позволяя одним глазком увидеть происходящее.

– Вадим – законный наследник, – продолжил отец. – Первый внук Гостомысла. Первый! Понимаете, что это значит? А Рюрик не просто за морем родился и вырос, так он же от Умилы... А она – средняя.

Повисло напряженное молчание, слышно даже, как мыши в подполе сопят.

Пока Добря страдал и плакал, на землю набежали сумерки. В избе полумрак, в углу тускло горит единственная лучина. За широким столом человек двадцать мужиков, большинство из них хорошо знакомы – плотники, подручные отца. Лица у всех серьезные, хмурые, спины сгорблены, будто на плечах у каждого лежит пара огромных мешков, доверху набитых камнями. А у отца вид и вовсе жуткий – глаза пылают пожарче печных углей, и голос замогильный:

– По закону, первый – голова, он раньше других на белый свет пришел. Вот ты, Корсак, кому из сыновей хозяйство свое доверишь?

– Старшему, – буркнул огромный детина с переломанным носом, словно бы в насмешку прозванный в память о мелкой и злобной степной лисице.

– А почему?

Мужик замылся, опустил глаза, отозвался нехотя:

– Потому как умнее, ведь дольше других живет, стало быть, лучше понимает, что к чему.

– Вот, – прошептал отец Добри. – Так и Вадим...

– Так Рюрик повзрослее Вадима будет, – осторожно заметил другой. – Стало быть...

Вяч махнул ручищей, огромная ладонь с грохотом обрушилась на столешницу. От звучного удара встрепенулись все, а Добря задрожал, как заячий хвост.

– Не в этом дело. Эх... Не умею я, как волхвы, объяснять... Вот когда скотину выбираешь...

По избе покатылся изумленный вздох. Мужики по-бабьи прикрывали рты ладонями, выпучивали глаза. Один даже осторожный знак в воздухе начертил и зашептал молитву.

– Да что вы как дети малые, – прошептал Вяч раздраженно. – Когда скотину выбираете, за какой помет больше отдадите?

– За первый, – отозвался тот, что со сломанным носом.

– А почему?

– Лучше, – буркнул кто-то.

Остальные нерешительно закивали, мол, да, лучше, и кровь сильнее, и нрав ближе к родительскому, и вообще... одним словом, лучше! Отец Добри окинул собравшихся пристальным взглядом, свел брови.

– Так и здесь, – продолжал он. – Мать Вадима – первая дочь Гостомысла, а мать Рюрика, Умила, – какая? В ком Гостомысловой крови больше? В ком она сильнее? То-то же... А при Гостомысле как жили?

– Жили, – буркнул кто-то.

Вяч неодобрительно фыркнул, но ничего не ответил.

– Закон есть закон, – понуро проронил детина с перебитым носом. – Вяч правильно говорит. Рюрик хорош, добр, но... не по правде он на княжеском престоле сидит. А от народа, который не чтит правду, то бишь закон Стрибожий, боги отворачиваются.

И вновь молчанье стало зловещим, только лавки едва слышно поскрипывают. Думают мужики, многозначительно чешут макушки и бороды.

– Так ведь Гостомysl сам решил, что править надлежит потомкам Умилы, – проговорил тот, что сидел напротив Вяча. – А Гостомysl хоть и слаб был в старости, а все равно князь. А у князя-то ума поболее, чем у нас, ему виднее было, что к чему.

– Не сам он решил, – ответил самый старший, – я те времена хорошо помню. Гостомыслу сон был, дескать, из чрева Умилы произрастает дерево, великое и плодовитое, и от плодов этих весь словенский народ насыщается. А уж волхвы истолковали, что нужно сынов Умилы на княжение звать.

– Ну, так! – воскликнул спорщик. – Волхвы-то тоже поумнее нас будут! На то они и волхвы!

Губы старшего растянулись в недоброй улыбке, глаза блеснули льдом:

– Ага. А знаешь, кто из волхвов больше всех вопил тогда? Суховой! Помнишь такого?

Спорщик нахмурился, помотал головой, а старший продолжил:

– Премерзкий человек был, гнус самый натуральный. В пору, когда он Перуну дары приносил, ну тогда еще сам Перунов жрец мухоморами какими-то отравился и с весны до осени хворал, так вот в ту пору такая засуха случилась, такой мор...

– Помню, – кивнул Вяч. – Жуткое время было. Мы даже хотели в Словенск идти, разыскать этого волхва и научить уму-разуму.

После этих слов мужики задумались еще крепче. Добря ловил каждый вздох, каждый взгляд, забывшись, едва не выскочил из-под одеяла. Отец протянул устало:

– Вот беда-то...

Ему ответили не менее печальным голосом:

– А че беда? Княжит Рюрик и княжит. Народ не обижает...

– Сейчас не обижает, а что после будет? Особоливо если мурмане еще понаедут.

– Да ничего, – буркнул спорщик. – Не мужицкое это занятие – о делах княжества рассуждать. Сами разберутся, без нас.

– Это как же без нас? – ахнул кто-то. – А сход народный на что?

Вяч кивнул, его ладони сжались в кулаки, мышцы под потрепанной тканью рубахи вздулись.

– Вот так всегда. Рассуждаем, потрыскаем кулаками, грозимся, а как только до дела доходит – в кусты. А после на власть пеняем, дескать, и головы дырявые, и руки не чисты.

Мужики загудели: одни кивали, другие роптали, спорили. Сумерки за окном превратились в непроглядную темень, огонек в углу стал ярче – так всегда бывает, когда догорает лучина. Вяч поднялся, выпрямился. Следом за ним повставали и остальные. Покидали избу по трое, молчаливые и угрюмые.

Целую неделю отец и на шаг от себя не отпускал, и порол каждый день. Все учил, приговаривал. Добря не перечил, терпел, стиснув зубы. Другие плотники посмеивались над мальчишкой и тоже поучали. Солнце, наконец, утихомирилось, все чаще стал набегать прохладный ветерок. И пунцовые тучи все чаще изливали на луга и леса живительную влагу.

Добря безропотно строгал доски, очищал от коры бревна. За неделю закончили строить дом для одного из подручных князя, начали мостить новую площадь. Старая ведь крошечной была, без отмошки, едва с неба упадет хоть одна капля, превращается в жирное месиво. А новую – поднимут так, что никакая грязь не страшна.

Горожане снуют, радуются. Изредка то один, то другой подходит к отцу, что-то спрашивает. Тот отвечает важно, свысока. А те вроде как пригибают головы, слушают с разинутыми ртами.

«А может, плотничать – не так уж и плохо?» – подумалось однажды Добре.

Но едва увидел конников в блестящих доспехах – сразу передумал. Вяч заметил мечтательный взгляд сына, сказал:

– Хозяйка Судеб никогда не назначит воином того, кто рожден простым человеком. Даже если бражки перепьет – все одно не назначит. Зато плотник – человек свободный, сам себе господин. И работа не переведется, людям-то крыша над головой нужна, кто бы ни княжил.

Добря кивал, лепетал в ответ что-то согласительное, но, едва выдавалась свободная минутка, мечтал о княжьем дворе. О том, как сожмет в ладони обмотанную кожами рукоять верного меча, набросит на плечи плащ и, гордо вскинув подбородок, выпрыгнет в седло. И пока гривастый будет медленно вышагивать к городским воротам, вслед за ним помчатся мальчишки, выкрикивая славления.

Глава 3

Воины хмурились, но слушали внимательно и жадно.

– Рюрик неспроста выбрал это место, – сказал Вадим. – Холм, на котором стоит город, только на первый взгляд пологий, а на самом деле – высок. С одной стороны отгорожен рекой, а остальные земли с ранней весны и до лета залиты водой, так что только с реки подойти можно. Но там путь преграждает крепость, круглая, как блин, она чуть ли не над самой водой стоит.

– Да... Рюрик свой городишко на северный манер строил, – усмехнулся Бес. – Плут.

Вадим кивнул, продолжил:

– Из крепости вся река просматривается, поэтому и на лодьях незамеченными не подойти. Да и течение против нас. Остается только по суше, и только когда болота чуть подсохнут. До частокола дома мастеровых, за частоколом – Рюриково подворье, а там и до крепости рукой подать.

– Получается, Рюрик сам себя запер? – запоздало пробормотал кто-то.

– Отчего же сразу «запер»? – возразил Вадим, добавил с досадой: – Это к нему не пробраться, а вагаряги-то² куда хочешь по воде дойдут.

– Как дойдут, так и не вернутся. Много ли их там, варягов-то? Холм не шибко велик. Я это к тому, – пояснил Бес, – что и Рюрик не дурак. Ему бы в берег где вцепиться, а дальше – больше. В наших землях принято с берега княжить, а не с лодьи.

– Уже вцепился. Вяч в поте лица трудится, избы ставит да терема для знати. Но в саму-то крепость нашего плотника не допускают, там варяжские мастера работают. Но Вяч со стороны поглядел. Они сперва вал насыпали, в него клетки с камнями и песком погрузили, а поверх клали слой за слоем дубье да крепили вперемешку тем же песком и глиной.

– Велика крепость-то?

– Ну, не знаю, шагов под сто в поперечнике, и стены – в три сажени высотой.

– А кто сторожит? – уточнил Бес.

– Вяч говорит, есть там и мурмане, что при молодой жене Рюриковой, есть и варяги. Все награбленное у местных сносят туда. Правда, многие уж собственными дворами за стеною обзавелись. В крепости долго не проживешь, там только небольшой дозорный отряд. И коли нагрянем неожиданно и успеем посечь всех на улицах да в домах, то и крепость брать не придется – некому оборонять станет. Главное – все заморское семя вырезать подчистую.

– И женщин?

Вадим чуть оскалился, ответил со смешком:

– Да разве ж у них женщины? – и уточнил серьезно: – Их тоже, особенно своих, ильмерских, что под варягов да мурманов легли. Но сперва – мужчин и подростков. Из волчат только волки вырастают.

* * *

По дому плыл манящий аромат каши. Мамка покраснелась, вынимая горшок из печи, тяжело водрузила на стол. Добря нетерпеливо постукивал ложкой, младшие тоже ждали, даже Любка, которая едва вылезла из пеленок, подпирала ладошками щеки и облизывала губы. Добря поглядывал на сестру хмуро, все не мог понять, как такое возможно: еще вчера была пищащим комочком, а сейчас – голубоглазое чудо, и губы надувает по-женски, мать копирует.

² «Вагаряги» – вариант написания или произношения имени «варягов» или же вагров, зафиксированный в Никоновской летописи, в лето 6370-е.

Младшие братья, погодки, то и дело дергают за рукав, ноют, просят взять с собой на речку, но Добря отвечает с важностью:

– Не положено.

Мало того, что дома с этими сопляками нянчиться, так еще и на улице возиться? Ну уж нет. Вот подрастут, тогда можно.

– Мне шесть весен, – проныл первый, – большой уже...

– А я больше, – надулся второй, тот, которому пять.

– Не положено. Вон, с соседскими шмакодявками играйте.

Мать бросила внимательный взгляд на Добрю, но промолчала. А отец даже головы не повернул – погружен в мысли, задумчиво скребет подбородок. Он не сразу заметил, что жена подвинула ломоть хлеба и кувшин с квасом.

Раньше старшего никто к горшку ложки не протянет. А детишки уж слюной изошли. Вот и осмелилась ненавязчиво мужа поторопить.

– Говорят, знать в наши края перебирается? – спросила женщина тихо. – Это что же им по старым домам не сидится?

– Так поближе к новому князю, – очнулся Вяч. От каши валил густой пар, мужчина чуть наклонился, с явным удовольствием вдохнул аромат. – Зато нам работы не переведется. Они ж сами строить не будут, а если кого и нанимать, то нас.

– А места-то хватит? Не выселят?

– Да мы и так на окраине, куда выселять? Да и кто ж в своем уме плотника прогонит? Тем более старшего.

Мамка раздала ложки, чуть слышно вздохнула.

– Не горюй, – улыбнулся Вяч, зачерпывая первым каши. – Это ж хорошо, что едут. Вон какие богатства везут!

– Да тьфу на их богатства! Главное, чтоб жизни дали. Наша соседка когда-то на боярском дворе в Славне служила, такого порассказала, аж волосы дыбом.

– Зато свои, славяне. У свеев-то и мурман нравы еще хуже, непонятнее. А эти и князю посоветуют, как правильно, и за народ заступятся, ежели чего. Вот уже Вадим в родные края вернулся, он в Славне, с ним и Хбмич, и Богдан с семейством. Все решили заново хоромины ставить, дворы знатные – не чета варяжским. Хорошо, артель большая, и тут и там поспеваем. Пока десять человек к Вадиму отправил.

– Десять? А что ж так много?

Вяч хмыкнул, пригладил бороду:

– Боярские хоромы – эт те не изба, там знаешь сколько леса нужно?

– Ох, – проронила мамка. – А князь-то что скажет?

– Да не охай, эти домины все одно понятней, чем свейские. Те так вообще ничего в избах не понимают, дикари, и дома у них дикарские.

Вяч пригладил бороду, крикнул довольно. Отправив очередную ложку каши в рот, повернулся к Добродею. А дожевав, сказал:

– Ах да, чуть не забыл! Я тут штуковину одну по заказу княжьего шурина смастерил, – протянул он. – Отнести бы... Он человек полезный, с ним дружить надобно. Ведь, ежели чего, может и пред Рюриком заступиться, и вообще...

Добря встрепенулся, потер уши – вдруг послышалось. Но отец серьезен, хотя глаза хитрые. Лениво протянул сыну резную шкатулку:

– На. Только не задирайся там. Понял?

– Понял, – отозвался Добря. В груди затрепетала радость, за спиной будто крылья выросли.

– Только кашу сперва доешь. А то ведь знаешь...

– Что? – крикнул Добродей.

Брови отца приподнялись, голос зазвучал назидательно:

– Как отличить человека от нечисти? Коли пищу и питье с тобой разделяет, значит, человек. А если отказывается – нечисть или злой колдун.

– Так я ж человек, – пробормотал мальчик.

– Да? А вот я в последнее время сомневаюсь... больно ты чудной стал. Мечты какие-то... Вдруг в тебя чужая душа вселилась? Или навка какая... или упырь болотный... Вдруг ты ночью, как нечисти и положено, пожрешь нас всех. И меня, и мамку, и младших...

Запахнув остатки каши в рот, мальчик сделал несколько шагов в сторону, опасливо покосился на отца.

– Да беги уж, – рассмеялся тот.

И Добря помчался, бережно прижимая вещицу к груди. Пускай отец запретил драться, зато можно увидеть княжье подворье изнутри, прошествовать до самого княжьего крыльца, и если повезет...

Ворота оказались открыты, стражники пропустили, едва слышали имя Олега. Как только ступил на княжеский двор, коленки задрожали, по спине побежал холодок. В нескольких шагах остервенело бьются гридни, чуть дальше слышны визги отроков. И над этим гамом оглушающе звучит голос дядьки-воеводы. Огромный воин стоит на крыльце, каждый промах воинов замечает. И отрокам изредка достается.

Не помня себя, Добря приблизился к Сигурду, поклонился в пояс. А тот даже не посмотрел на пацана.

Из дверей терема выскочил прислужник. Высокий, щербатый. Он-то сразу заметил мальчишку, нахмурился и гаркнул:

– Тебе чего?

– Мне Олега. Передать.

– Олег отдыхает, давай мне, – отозвался слуга.

– Нет. Отец сказал, самому Олегу передать.

– Вот еще! – фыркнул парень. – Делать больше нечего. Да и не положено абы кого... Давай, что у тебя там. Я отнесу.

Добря насупился, рыкнул:

– Нет.

И только теперь Сигурд оторвался от созерцания потешных поединков, уставился на мальчика:

– Эт ты, что ли?

Добря смутился страшно, страх превратился в ужас, но сердце, вопреки всему, ликовало.

– Да. Вот, Олегу передать...

Воин протянул руку, огромную, мозолистую. Пробасил грозно:

– Давай сюда.

– Но я Олегу...

– Спит Олег, – бухнул воевода.

Спорить с воеводой – не дело. Добря оторвал шкатулку от сердца, с поклоном отдал Сигурду. Тот принял резную коробочку небрежно, покрутил в руках.

– Неплохо, – хмыкнул он. – Кто ваял?

– Отец.

– Отец... Стало быть, ты – сын плотника?

– Ага...

– Жаль, – ответил мужчина сокрушенно. – Жаль, что плотника. Иначе быть бы тебе отроком, а после – гриднем. Уж я бы гонял до седьмого пота, как этих охламонов.

«Гридень», «гريدница» – еще год назад никто из словен не ведал о таких словах, и поди ж ты, ныне как бы и свои. «Гридня» – это по-северному убежище, и есть при ней те, кто хранит покой, оберегает от опасности.

Воевода кивнул в сторону, а Добря, воспользовавшись тем, что не гонят, пошире раскрыл глаза. Отроки сходились в потешных поединках, во всем подражая дружинникам. Но вместо настоящего оружия в руках палки. Некоторые бьются на кулаках, валяют друг друга в пыли и ничем не отличаются от обычных городских мальчишек. Добря рассматривал их с завистью и не обращал никакого внимания на тихие смешки воеводы.

– Жаль, – повторил тот. – Но не всем везет, как Роське.

– Кому-кому?

Добря сам не понял, что спросил. Но едва слова воина достигли разума, захлебнулся воздухом, сердце упало вниз.

– Да вон, Роська, – пробасил Сигурд и снова кивнул.

Рот Добри раскрылся сам собой, челюсть с грохотом упала на грудь. Среди отроков действительно выделяется один... Добря даже ладошку козырьком приложил, всматривался долго...

И вдруг похолодел. Действительно, он. В самом деле Роська. Гаденыш с правого берега, ничтожество, падаль...

– Как? – выдохнул мальчик и не узнал собственный голос.

– Знакомый? – удивился Сигурд. – Вот это да. Говорят же: мир тесен. А я все не верил. Эй, Розмич! Подь сюды!

Отрок не сразу понял, что зовут именно его. А когда догадался, тряхнул головой, побежал к крыльцу с явным усилием. Только что язык на плечо не закинул.

– Гляди, Розмич, – улыбался воевода, – друг твой отыскался!

Он ткнул в Добрю, сощурился. Губы разошлись в широкой, добродушной улыбке.

Роська, красный от недавнего напряжения, побледнел, захлопал глазами часто-часто. А брови Добри сдвинулись так плотно, что лоб заболел.

– Ты... – протянул сын плотника.

– Ты? – отозвался отрок.

Роська был на полголовы выше Добри. Такой же светловолосый, только глаза не голубые, а серые. На лице несвойственная городу простота, костяшки пальцев перебиты и кровоточат. Зато румянец густо заливает щеки, хотя сам бледный, как льняное полотно. На мальчишке белоснежная рубашка, новые порты, впрочем, одежда уже покрыта изрядным слоем пыли, кое-где порвана.

Добря почувствовал, как закипает кровь, как неприятно сжимается в животе. К уголкам глаз подступили слезы, и он постарался не моргать, чтобы предательские капли не выдали досаду. Роська... главный злодей из правобережных пацанов! Родная-то деревня Добродея на левом берегу.

– Но как?! – всхлипнул Добря и во все глаза уставился на воеводу.

Тот вопросительно поднял брови, глянул, сперва – на одного, после – на второго:

– Вы не рады встрече?

– Нет, – проскрежетал Роська.

Сигурд громко почесал затылок, все еще пытался разгадать тайну, но плюнул довольно быстро:

– Ладно, Розмич, иди к остальным.

– Как это вышло? – насупился Добря. – Он – сын пахаря. А я – плотника. Почему ему можно, а мне нельзя?

– Да вот так... – выдохнул мужчина. Развел руками, едва не выронил резную шкатулку. – Олег проезжал по какой-то деревне, и тут под копыта его коня упал вот этот мальчуган. Олег забрал мальчика с собой, определил в отроки.

– Почему? Ведь не положено...

Воевода хмыкнул, взгляд на миг затуманился.

– Одду, то бишь Олегу, можно. Он не такой, как все. Видит дальше, понимает больше... Вещий он. Да имя еще у мальчика оказалось необычным – «Меченый». Получается, боги его дважды отметили: когда родился и когда копыта Олегова коня потоптали. Таким людям удача улыбается, их место рядом с князем.

– Не боги... – пробормотал Добря.

– Чего?

– Не боги его отметили! Только один! Чернобог! – Добря выпалил эти слова громко, со всей злостью, на какую был способен. Пусть Роська услышит, пусть только попробует оспорить!

– Да полно те, – рассмеялся Сигурд.

– Я с ним по соседству жил, знаю, об чем толкую! Черный бог его в темечко поцеловал! И не раз! Гад он! Подлый! Подлейший!

– Да не бреши! Хороший мальчуган, прилежный...

Добря стиснул зубы, развернулся без всякого почтения. Земля под ногами мелькала быстро, дома и улицы сливались в единые полосы, а злобный ветер больно кусал лицо, подхватывал и уносил слезинки.

– Нет в мире справедливости!

И в сторону княжьего двора Добря с тех пор больше не смотрел. И на отстроенную крепость, круглую, как бублик, что высится на холме над берегом Волхова – тоже. «Подумаешь! Принимают в свои дружины кого попало! Свеи – они и есть свеи! И мурмане такие же. Дикари, нелюди! А вот бояре старого князя Гостомысла – вот это люди! Наши!»

* * *

От Рюрикова города до Славны было недалече. Вяч сказал, что надо бы проверить, поспевают ли там его артельщики. Добря увязался за отцом.

...По улицам старого города вышагивал гордо, помахивая киянкой и повергая всех незримых врагов. Вяч пригрозил, что коли будет кривляться, так мигом домой отправит. И Добря притмирел.

На двор Вадима, Гостомыслова внука, их пустили нехотя, не распознали приворотники старшего плотника. Зато слуга бежал навстречу вприпрыжку, улыбался шире, чем разливается по весне Волхов. Бодро похлопал Вяча по плечу, указал на гору бревен:

– Твои молодцы третий день таскают, с утра до вечера.

– Ну, так, – улыбнулся Вяч. Но вдруг пристально взглянул на сооружение и заметил хмуро: – Нужно перекладывать, так не просохнут. И укрыть на зиму надобно еловыми лапами, а то никакого толка от просушки не будет.

– Укроем, – кивнул слуга. Человек Вадима с интересом посмотрел на Добрю, одарил мальчугана радостной улыбкой: – Тоже плотником будет?

– Конечно, – отозвался Вяч и добавил, понизив голос: – Мне б с Вадимом поговорить.

– Знаю, он с утра о тебе выспрашивал, – ответил слуга и проводил до скриплого крыльца. – Ждите тут.

Дом у Вадима хоть и большой, но старый, ветхий. Судя по виду, простоит еще долго, да не можно столь знатному человеку в ветхости жить.

Рядом-то Вяч пообещался возвести новые хоромы, а Вадим, в свою очередь, как слышал Добря, назначил хорошую цену. Мамка даже прослезилась, когда отец рассказал. Жаль, что

ему нельзя приступить к работе прямо сейчас – Рюрик велел рядом с княжеским двором площадь обустроить и еще один дом для родича мурманского возвести. Благо хоть северянин тот оказался сообразительным, согласился, чтоб избу правильно строили, а не как они за морем привыкли.

Дверь распахнулась тоже со скрипом, к ним вышли четверо мужчин в богатых одеждах. Глядя на расшитые жемчугами сапоги, Добря даже поперхнулся. Мальчик и прежде видел знатных, но так близко – никогда.

Вельможи с шутками да прибаутками проследовали по ступеням, освободили проход. Вслед за ними на пороге появился слуга, горячо махнул плотнику. Добря двинулся было за отцом, но тот остановил:

– Здесь погода. Неча важного человека смущать.

Мальчик протяжно вздохнул, опустил голову. Чуть помедлив, побрел к нагромождению бревен, уселся и начал болтать ногами. Знатные мужи, что только-только покинули избу Вадима, уходить не собирались, горячо спорили, махали руками. Изредка доносились обрывки фраз:

– Гостомysl не знал...

– ...а каково народу?

– ...чужеземцы наших законов понимать не хотят!

– А Едвинда эта длинная и тощая, как сама смерть. На ведьму смахивает...

– ...в Алоди она нынче. Видать, и самого Рюрика довела, отослал. И шурина его давно не видать.

Добря старательно потер уши, но, устыдившись, что будет пойман, отвернулся и перестал слушать. Дружинники Вадима неспешно выходили из гридницы – на другом конце двора. Шутили, толкались. К ним метнулась дворовая девка с ведром колодезной воды, краснела, хлопала ресницами. Но и в этот раз Добря отвернулся: что толку мечтать о воинской славе, если нынче в воины берут всякий сброд? Лучше плотником быть, вона как Вадим отца привлекает, даже знатных мужей на двор выгнал, чтобы со старшим плотником переговорить!

Глава 4

Последние дни Вяч ходил грустный и серьезный. Вечерами прислушивался к шорохам за окном, а однажды собрал все семейство и приказал шепотом:

– Завтра всем сидеть в избе, на двор даже носа не высовывать, поняли? И двери никому не открывать, что б ни случилось.

Мать заскулила, потянула руки, но Вяч отстранил. А едва послышался первый крик петуха, отец подхватил тяжелый топор, из тех, коих никому иному касаться не разрешалось, потуже завязал пояс и ушел, бросив напоследок:

– Добродей, ты теперь за старшего. Мать и младших береги!

Добря мерил шагами избу, бросал хмурые взгляды на мамку, которая не спускала с рук Любку, на братьев – мальчишки как ни в чем не бывало возились в углу, изредка таскали друг друга за волосы. Дверь в избу закрыли на засов, подперли поленом, как велел отец. С улицы доносились приглушенные крики, топот.

Страх пронизывал Добрю с макушки до пят, но любопытство оказалось куда сильнее – вгрызлось в кости, свербило так, что сесть не мог. Мамка наблюдала за сыном с суровым лицом, губы сжала в тонкую линию. Ее веки припухли, глаза стали узкими, едва различимыми. Ближе к полудню мать задремала, а Добря на цыпочках прокрался к двери.

– Ты куда? – пропищал брат. – Отец не велел!

– Тшш... Сейчас до ветру схожу и вернусь.

– Экий ты нетерпеливый, – хмуро отозвался малец.

– Тихо ты. Лучше дверь закрой и полено на место поставь. Я постучу, как вернусь.

Младший выпрямился, важно уткнул руки в бока, сказал, подражая старшему:

– Хорошо, так и быть.

Тяжелые тучи заволокли небо, висели угрожающе низко. Добря выбрался на улицу, огляделся – пусто. Вдалеке – удары и вскрики, порывы ветра приносят странные, незнакомые запахи.

Мальчик втянул голову в плечи, спешно двинулся вперед. Шагал, прижимаясь к изгородям и заборам, напряженно вглядывался. Сердце зашлось истовым боем, страх сковывал ноги.

Добрался до конца улицы, свернул к княжескому подворью – ужасающие звуки прилетали именно оттуда. Мальчик сгорбился, стараясь быть еще незаметнее, прибавил шаг. Вдалеке уже видны фигурки людей, они бегают, мечутся. Крики становятся громче, но различить слова невозможно.

Навстречу мчался всадник – в седле держится едва-едва, лицо залито алым. Добря присел, сжался, но воин проскакал мимо, даже не заметил. Сглотнув ком, подкативший к горлу, дальше двигался осторожней, чем дикий кот на охоте.

Справа гроыхнуло, Добря подпрыгнул, отскочил. Из переулка вывалилась четверка воинов. Оголенные мечи подобны языкам пламени, лица перекошены злобой. Один из вояк заметно шатается, прижимает ладонь к груди, меж пальцев пробиваются красные ручейки.

Мужчина захрипел, изо рта пошла кровавая пена. Его подхватили, поволокли к ближайшему двору, опустили у ворот на землю.

– Оставьте меня, – услышал Добря.

Он видел, как воин выронил меч, голова откинулась.

Спутники не проронили ни слова, задержались на мгновение и ринулись туда, где кипела схватка. Добря попятился, с ужасом смотрел на раненого, под которым медленно расплзлось красное пятно. Дышит громко, с присвистом. Сейчас помрет.

От страха у Добри похолодели руки, но он поспешил дальше. Внутри нарастало беспокойство, сердце сжалось, перестало стучать. Он уже различал очертания воев и простых мужи-

ков, отзвук битвы становился все громче, а взгляд судорожно выискивал отца – вдруг батя ранен? Или хуже того...

Но старшего плотника не видать. Зато там, дальше, у самых ворот, двое мужиков из его артели. Стоят, прижавшись спинами к частоколу, топоры с длинными рукоятями держат наперевес – в любой миг готовы кинуться в драку. Но их противники не спешат, примеряются. Меч только с виду страшнее топора, а на деле все зависит от умения, ловкости и силы. А плотники – могучие, в плечах пошире воеводы будут. Добря затаил дыхание, сжал кулачки в отчаянной надежде, что «свои», то есть «наши», обязательно победят. Но начала схватки так и не увидел.

Из распахнутых ворот подворья выбежала женщина. Красивая, но бледная, как первый снег. На ней шитое золотом платье, платок из тончайшего шелка, тяжелый венец, усыпанный самоцветами. Следом появился конник. Лошадь мотала головой, раздувала ноздри, но послушно следовала за женщиной.

Конник и сам в роскошных одеждах, все пальцы в перстнях. В кудрях – серебряный венец, на губах – кривая усмешка. Он тронул поводья, лошадь скакнула наперерез беглянке. Та метнулась в сторону, споткнулась и грянулась в пыль. Несчастная еще попыталась ползти, но огромное копыто впечаталось в спину, прибило к земле. Женщина закричала пронзительно, боль заслонила весь мир, все другие звуки. А всадник расплылся в гадостной улыбке, поднял лошадь на дыбы... Копыта с силой обрушились на тело, женщина даже не вскрикнула, заби-лась, а через несколько мгновений замерла, раскинув руки...

Грозный воин рубил и топтал всех, кто ринулся мстить, и хохотал так, что небо дрожало. Ему вторили остальные, даже мужичье. Тела поверженных падали одно на другое. Горячая кровь хлестала из жил, заливала землю, повисала над нею слоем багряного тумана и оседала алой росой.

– Слава князю Вадиму! – заорал кто-то.

Добря содрогнулся, пригляделся и похолодел... а ведь действительно...

Лошадь под Вадимом красиво гарцевала. Сам предводитель мятежников вскидывал к небу клинок, вскрикивал радостно:

– За землю наших отцов и дедов! Смерть варягам! Бей выроdkов!

У ворот показался Сигурд. Широкое лицо перепачкано кровью, левая рука бессильно болтается, но правая крепко сжимает длинный мурманский меч. За его спиной возникли еще двое дружинников – смертельно бледные, едва на ногах держатся.

Пригнувшись, Добря пробирался дальше. В конце концов упал, но и тогда тихонечко пополз меж телами убитых и раненых. Земля была кровавой и сырой, словно мох, яростные крики воинов взметались в небо. Мальчик догадался – самое страшное не здесь, а там, за воротами. Приподнялся – княжеский двор сплошь усыпан телами. Дружинники, младшие гридни, мужичье...

– Вадим, – прохрипел воевода. – Дерись...

Сигурд поднял меч, пошатнулся. Его успели подхватить дружинники, а когда дядька затих, один из них – молодой – крикнул:

– Я вызываю тебя на бой, трусливая тварь!

Вадим расхохотался, едва из седла не выпал. Он поднял длань, послушная этому знаку стрела тут же пронзила горло храбреца, вошла по самое оперенье. Воин пошатнулся, сделал несколько решительных шагов в сторону Вадима, рухнул лицом ниц и замер. Второй ринулся на всадника с неистовым криком, этого Вадим подпустил и с разворота обрушил на голову дружинника ярый меч, толкнул тело ногой. Отмахнулся от ликующих криков сторонников и направил лошадь на княжеский двор.

Огромные копыта топтали тела убитых, крошили кости раненым, Вадим скалился, величественно кивал соратникам, подбадривал и хохотал.

Бой прекратился внезапно. Звон оружия и неистовые крики сменились нестерпимыми стонами.

– Добейте! – бросил Вадим. – И колья, колья несите! Будем готовить теплую встречу Рюрику!

– Княже, – откликнулся кто-то из знатных, – а может, просто порубать головы и на частокол?

Вадим махнул рукой, развернулся и направился к терему.

Добря боялся шевельнуться. Труп, за которым прятался, смотрел на мальчишку огромными, выпученными глазами. От тела еще веяло теплом, запах пота и крови врезался в нос и пробивал до враты.

Из окон княжьего терема швыряли мертвые тела. В небе кружились вороны, но спускаться пока не решались. Запах крови становился сильнее, к нему добавлялся смрад от испражнений и липких, раздавленных в кашу кишок. В эту вонь струйкой проник и запах стоялых медов – видать, на радостях откупорили несколько бочек.

На улицах по-прежнему ни души, словене заперлись в домах, тихо трясутся по углам. Зато на княжеском дворе крик и гам, кажется, вот-вот начнется пляска. Воины шатаются от усталости, все еще выкидывают трупы, раненых добивают без разбора, не важно – свой или чужой.

Особо усердствовал Бес.

– Эй, Вяч! – крикнул Вадимов помощник. – Ты тут самый мастер? Порубай!

Сердце мальчишки замерло, а когда в проеме ворот появился отец, на душе стало чуточку легче. Он тоже пошатывался. Спереди вся рубаша плотника залита кровью, на портах тоже алые пятна. В руке тот самый тяжелый топор – им батя колет дубовые поленья. Вяч замер над трупами, что-то сказал. Бес посмотрел на плотника с угрозой, а после расхохотался:

– Слабак!

Затем вырвал из плотничьих пальцев топор. Вяч отступал спиной, после и вовсе закрыл лицо руками. А Бес рубил... И Добря с ужасом понял – отцовским топором срубают головы, кисти, ступни...

Мальчишка сжался, зажмурился. По спине побежали мурашки с майского жука, плечи затрясло. Он уткнулся лбом в грудь убитого воина, из глаз покатились бессильные слезы.

– Ну как? – заорали от частокола.

Могучий бас расхохотался в ответ:

– Ровнее ставь! И глаза им закрывать не вздумай, пускай Рюрик взглянет в последний раз!

– А с младенчиком что делать? – уточнил краснолицый.

– На ворота прибай.

– А может, на кол, как купальскую куклу?

К горлу подступила тошнота, но Добря все-таки взглянул. Воин с перебитым носом и красным от натуги лицом насаживал обезображенные смертью головы на заостренные бревна.

– Эй, вот одну забыли! – радостно прокричал кто-то.

Худосочный мужик схватил за ноги женщину в золотом платье, поволол. Но ему было не справиться.

– Упрямая баба!

Тогда подскочил Бес с отцовским топором в руках:

– Отойди, я тут порубаю! – воскликнул он.

Железо вошло в тело с чавканьем, голова в тяжелом венце покатилась. Худосочный метнулся следом, пнул, метким ударом отправил к княжеским воротам. Остановился, уставился на частокол.

Голова первой из Рюриковых жен смотрела испуганными, оледеневшими глазами, рот приоткрыт в удивленном крике. Дети тоже увидели свою смерть, эти глядят с особой болью, даже сейчас не понимают, что случилось.

Краснолицему подали голову второй – венедской – жены. Он насаживал ее с особым старанием, даже череп хрустнул. Кровь оставила на бревнах частокола длинные блестящие подтеки.

– Еще один! – крикнул кто-то. Он тяжело пересекал двор, держа обрубок за рыжие кудри.

– А ну покажи! Не... это не Рюрикович, отрок. Выброси.

Воин пристально осмотрел добычу и швырнул за ворота, туда, где уже высилась гора трупов. Отрубленная голова покатилась, подпрыгнула на кочке и замерла. Торни смотрел на мир удивленно, из правой глазницы медленно вытекало белое молочко.

– Так... кого-то не хватает... – злорадно заключил тот, который любовался частоколом. – Где его сын – Полат?³ И эта, как ее? Шелковая коса, Златовласка?

– Полат, должно быть, в крепости!

– Ха! Ну это ничего, из крепости выкурим... А мурманская курва, Едвинда?

– Так ее в Алодь отправили, и брат ейный сопровождал.

– Ну ничего, ничего... С Рюриком покончим, и до самой Ладоги доберемся...

* * *

Стук копыт раздался неожиданно близко. На устланную трупами улицу ворвались трое всадников, первый заорал неистово:

– Варяги! Рюрик едет! За ним Сивар и Трувар. Все с дружинами! И мурмане...

– Откуда им взяться?

– И с воды, и из лесу. Они повсюду.

И конные и пешие рванули к воротам, люди Вадима спешно притворяли створки.

– Стрелы и копья готовы! – заорали за стеной. – Смерть Рюрику! Смерть чужакам!

У Добри потемнело в глазах, сердце забилося бешено, едва не проламывало ребра. Мальчик не сразу смекнул, что к чему, а когда понял, душу охватил ужас. Он пополз дальше, намереваясь скрыться с места предстоящего побоища. Да над головой просвистело. А как только дернулся обратно, перед самым носом вонзился дрот. Мальчик съехался, затаил дыхание.

Тишина повисла мрачная, небо опустилось ниже. Придавило город черными тучами. Неистовые стробы уносили прочь кровавые запахи, дарили обманчивую свежесть. По щекам Добри поползли слезы, мальчик зажал рот, боясь, что всхлипы выдадут его, а свирепые, пьяные от битвы воины не станут разбираться, кто таков.

Поодаль лежала голова Торни, смотрела единственным глазом, в стеклянном взгляде читался укор. Воронье спустилось ниже, птицы кружили, едва не задевая крыши. Крылья, черные, как души предателей, нагоняли больше ужаса, чем гул приближающихся дружин. Огромный ворон опустился рядом с головой Торни, каркнул так, что Добря подскочил и вскрикнул. Когтистая лапа птицы Смерти утонула в рыжих кудрях, помедлив, ворон взобрался на макушку и вонзил клюв в уцелевший глаз.

Добря дрожащей рукой нащупал камень, метнул в гадкую птицу, но промахнулся. Ворон зыркнул, угрожающе хлопнул крыльями. Земля затряслась, топот копыт стал оглушающе громким. Птица клюнула еще раз и трусливо сиганула в небо.

Дружины Рюрика и его родичей хлынули в город со всех сторон. Варяги двигались молчаливые и злые, как волки северных лесов. Завидев горы трупов, всадники придержали коней.

³ Имя старшего сына Рюрика зафиксировано в «Древней российской Вивлиофике...», изд. Н.И. Новиковым в 1770-х гг. Он пользовался не дошедшими до нас источниками.

На земле лежали те, кто еще недавно оставался защищать град на время короткой отлучки князя – друзья и товарищи по оружию, славяне, мурманы, свеи. Варяги узнавали тех, с кем пройдено немало битв, с кем делили хлеб и кров, радости и лишения, но никто не вскрикнул. Даже князь молчал и частокол разглядывал с каменным лицом, будто не признал в убитых собственных детей и жен.

– Никого не щадить, – ровным голосом произнес Рюрик. – Ворота высадить.

Спешенные княжьи дружины выступали неторопливо. Летели стрелы и дротики, но ни один из варягов не пытался увернуться, даже щиты поднимали нехотя. И падали беззвучно, с гордостью. На ворота навалились толпой, дерево затрещало, закрипело, но створки выдержали первый натиск.

И ни одного крика, ни одного шумного вздоха.

По ту сторону частокола тоже молчали, только гул взводимых тетив напомнил, что за стеной есть люди, и эти люди жаждут крови так же сильно, как Рюрик и его ближние.

Снова навалились, злее. Ворота закрипели громче, в царящем беззвучии этот скрип был подобен плачу... Тишину сменило тяжелое дыхание. Казалось, не люди дышат, а сама земля. Опять навалились на створы, ударили разом, вышибли и ринулись в проем, принимая на себя первый залп...

Князь присматривал за боем издалека. В него тоже метили, но лишь две стрелы на излете пробили кожаный доспех, клюнув в грудь против сердца. Он не заметил.

– Рубите колья. Эй, кто с секирами? Сьельв! Людей к стене!

Послушные слову Рюрика могучие варяги принялись за бревна, кто справа, а кто слева. Ярость воинов была столь велика, что частокол обещал стать щербатым в скором времени.

За спиной князя уже перестраивали свои отряды Сивар и Трувар. Завидев головы племянников, они сами ринулись вперед, увлекая воинов.

Но даже когда Сивар вскрикнул, схватился за грудь и рухнул с коня, даже тогда Рюрик не шелохнулся.

Трувар повернулся:

– Знахаря, быстро!

Дружинники оттащили тело брата в сторону, стянули шлем, усадили так, чтобы смог видеть ход битвы. Сивар взялся за стрелу, но ему придержали ладонь, чтобы не навредил.

Олег вперил невидящий взгляд в небо, побледнел, черные круги под глазами заметны даже с десятка шагов. Изредка шурина князя передергивал плечами, что-то шептал. В руках у северянина большой лук, все знали: стрелы Одд носит постоянно при себе, они длиннее обычных, он сам изготавливал их с большим искусством.

При нем же неотлучно был и младший брат – Гудмунд. Этот с тяжелым топором и мурманским щитом хладнокровно разглядывал врагов. Северяне стояли поодаль, ожидая знака предводителя. Но Олег не спешил...

– Следите во все глаза, как Сьельв прорубит бреши – заходим разом, никого не выпускать! – обернулся он к мурманам. – Этих оставим князю.

В возникшем проеме ворот застыли, оскалившись клинками, воины словенской знати. Лица перекошены злобой, больше напоминают звериные морды. Мечи до сих пор хранят следы крови – не успели вытереть или не пытались?

– Без пощады!

Рюрик говорил тихо, но отчетливо, и эти слова слышали все.

– Без пощады! – воскликнул Трувар.

Спешенная варяжская дружина двинулась непробиваемой стеной, мятежники попятись.

– Вали ублюдков! – крикнул Вадим.

Его соратники с новой силой бросились вперед, выдавливая из проема иноземцев.

– За Рюрика! – заорал Трувар, вскидывая сверкающий меч, и с места пустил коня вскачь.

Добря не поверил глазам, когда княжий брат перемахнул через толпу в воротах и ворвался на двор. Следом к воротам ринулась верная ему дружина и воины Сивара, рассекая словенских. Пешие дружинники Рюрика успели посторониться, а мятежников большей частью раскидали и затоптали. В проломанный тут и там частокол устремились мурманы Олега.

Меч в руках Трувара смертоносно блистал, горячая руда волнами скатывалась по клинку. Рубил всех, кто смел приблизиться. Близ рубились и его варяги, их остервенелые крики спугнули воронье, заставили попятиться мужиков.

Одд-Олег настигал стрелами всех, кто бежал с княжьего двора, ни одна не знала промаха. На указательном пальце княжьего шурина поблескивал золотой перстень. Мурманы секли раненых и замешкавшихся.

В разгар сражения из крепости высыпали те, кто успел скрыться после подлого нападения Вадима. Потрепанные, израненные, в окровавленных платьях – большинство шатается... Но едва приблизились к месту схватки, выпрямились, на лицах появилась такая злость, заведев которую враг умирает на месте. Эти, ведомые юным Полатом, набросились на мятежников со спины, со стороны Волхова, с особой яростью, принялись рвать и колоть, заливая кровью не только землю, но и небо. Бес и его подручные едва сдерживали озверелый натиск недавней жертвы.

Вадим, казалось, парил над схваткой, рубил плеча, хохотал победно.

– Меня ни один клинок не возьмет! – ликующе орал Вадим. – Слышишь, Рюрик?

Его голос гремел, разносился по округе, подхваченный ветром, а Рюрик молча взирал со стороны. Лицо князя посерело, глаза медленно наливались кровью. Зубы сжаты, да так, что вот-вот покрошатся.

Добря больше не мог смотреть на побоище. Он лег на землю, спиной уперся в мягкое брюхо мертвого толстяка, подтянул колени к подбородку и закрыл глаза. Звуки сражения не исчезли, да и образы беспрерывно мелькали в голове – море крови, лезвия, сшибающие головы, рассеченные тела, перебитые кости, что торчат из алого, еще теплого мяса. Желчь, которая течет из вспоротого живота знакомого булочника, отрубленные пальцы оружейного подмастерья, утыканный стрелами Хомич, добряк из Славны.

И только небо над головой темно-серое, спокойное, величественное. В этом небе носятся прислужники и вестницы Мары, а может, и сам Велес наблюдает. Зато батюшка-Сварожич прикрыл очи, дабы не видеть разгул нечисти. Еще немного, и небо разразится протяжным плачем, ручьи, полные рудой, потекут по склонам исполинского холма, на коем стоит княжий град, и вольются в спокойные берега Волхова.

«То-то водяные удивятся», – скользнула неуместная мысль.

Добря плакал беззвучно, даже не пытался утирать слезы. А битва становилась все злее, громче. И голос Вадима был ликующе:

– Я из старших внуков Гостомысловых! И плевать хотел на вас, иноземцев! Я хозяин этой земли! Где же ты, братишка?!

Но Рюрик не откликнулся на этот зов, взгляд его бродил по лицам убитых детей, жен, изредка возвращался к созерцанию битвы. Лишь заметив в море сечи Полата, старшего сына, Рюрик выдохнул чуть слышно:

– Живой... Хоть один... Хвала богам, хвала... Не отняли... Хотя бы одного защитили.

И только после этого смог разжать кулаки, поднять руку в повелительном жесте.

Дружинники заметили, что с князя спало оцепенение, ударили с новой силой, с новой злостью. Только Трувар не успел порадоваться – острое пробило грудь. Оттащили туда, где уже лежал Сивар и над телом его копошился лекарь.

– Не щадить! – закричал Рюрик, вздевая боевой топор и, подобный богу войны, ринулся в сечу. Телохранители не поспели за ним.

Навстречу Рюрику рванулся могучий Бес, этого Вадимова соратника Добря и сам бы придушил, будь у него силенка. Поравнявшись с мятежным боярином, князь уклонился от свистящего меча и, уже пролетая мимо, поразил силача неожиданным ударом в бок, отпуская рукоять топора. Залитый кровью Бес так и рухнул наземь, увлекая за собой железо. А Рюрик сам выхватил меч и устремился вперед в поисках новой поживы.

Вторя голосу законного князя, по небу покатился гром, мясистые тучи опустились еще ниже.

Мятежники один за другим падали, их крики становились все тише, а верные князю дружины напирали, кромсали и рубили. Вадима никто не тронул, только оружие выбили. Он качался, пару раз чуть не выпал из седла. Лошадь под ним едва перебирала копытами, глаза бешено вращались, с морды срывались тяжелые хлопья пены.

Грохот битвы постепенно стихал, зато громовые раскаты в хмуром небе становились все громче. И молнии сверкали куда ярче смертоносных лезвий.

Когда на землю упали первые капли, на «своих двоих» не осталось ни одного мятежника, а земля стонала, алая от потоков крови.

– Собрать всех городских на площадь, – глухо приказал Рюрик. – Волхва ко мне в терем. Готовить краду.

Гридни, те, что были при князе, бросились во все стороны, другие варяги осматривали тела, отгаскивали трупы своих, одним закрывали очи, другим распрямляли члены, бережно укладывали наземь. Скрюченные тела мятежников бросали в кучу, без разбора и почтения.

Горожане выходили к княжьему двору медленно. Дети прижимались к родителям, орали, плакали. Женщины всхлипывали, на бледных лицах отчаянье. Мужиков осталось мало – уцелели только те, кто не решился выступить против князя, но и эти напуганы. Прежде готовились помереть от рук победившего Вадима, а нынче, видать, придется положить головы под секиры неистовых варягов.

«Князья не различают лиц, для них народ – един. И если горстка артельщиков осмелилась восстать против власти, стало быть, весь народ восстал, а значит, и карать должно всех», – понял Добря.

Только теперь ему удалось выбраться из укрытия, и тут же споткнулся, полетел головой вперед. Подхватили сильные руки. Еще не успел распознать кто, но ужас уже пробрался в душу. От человека пахнет кровью и лошадиным потом, стало быть – один из тех, кто только что резал и убивал.

Мальчик вскинул голову, сердце сжалось. Олег кинул пронизательный взгляд. В изумрудных глазах тревога, кудри из огненно-рыжих стали пепельными. По лицу Олега крупными каплями бежит пот.

– Иди к своим, – прохрипел мурманин и... отпустил.

Добря помчался туда, где толпились горожане, быстро отыскал мать. Завидев сына, чья одежда стала рудой, женщина взвыла.

– Я не ранен, не ранен... – сквозь слезы уверял Добря. – А батька... батька...

Дождь моросил непрерывно, иглами впивался в кожу. Добря уткнулся лицом в мамкин живот и тоже подвывал.

Трупы мятежников сваливали на телеги – Рюрик приказал вывезти за город и сложить у подножья холма. Да еще стражу поставить, чтоб никто из родичей не смел тела прибрать. Худшего погребения и вообразить нельзя: с весны и по середину лета земли у подножья заболочены, на эти болота приплывают упыри, прибегают русалки. Нечисть до скончания века будет мучить, калечить души предателей, а те, поглощенные трясинной, не смогут укрыться. Покойникам придется взирать на величие Рюрикова города, на поминальные обряды в честь тех, кто погиб, защищая власть князя. И каждый день умываться горькими слезами, травиться собственной злобой, терзаться.

Едва улицу расчистили, с княжеского двора начали выводить оставшихся бунтовщиков, раненых, искалеченных, но живых – тех, кто все-таки уцелел в кровавой схватке. Воинов Вадима выстроили в ряд, и, несмотря на слезы и мольбы, к ним двинулись те, кто желал отомстить особо. Пленные мужики столпились поодаль, глаза одурманены, ноги подгибаются. Мать вскрикнула, и Добря резко повернулся – так и есть, отец... живой! Пока еще живой.

Варяги надвигались на пленных медленно, позволяя тем вкусить настоящего страха. В руках только ножи, лезвия блестят холодно, ловят дождевые капли. Ноги утопают в кровавой грязи, сердца испепеляет ярость. Мятежники падали на колени, но их поднимали, тут же вспарывали животы. Под нестерпимые крики вытягивали кишки, наматывали на кулак, прочую требуху разбрасывали тут же, топтали сапогами. Тех, у кого не было ранений, штырями прибивали к частоколу княжьего подворья, в рот и вспоротое брюхо пихали червей и жаб. Остальные ползали по грязи, умирали мучительно и очень долго.

После привели Вадима. Он едва держался на ногах, но был целехонек – ни один воин не коснулся Гостомыслова внука.

– На колени! – бросил Рюрик.

И словно бы от этих слов, от ущемленной гордости прибыло Вадиму сил, и последний раз сверкнули молнии в очах. Распрямился. Два дюжих варяга в тот же миг заломали ему руки, чтобы выполнить княжий приказ. Вадим извернулся, застонал натужно. Добре почудилось, что еще немного – страхнет Вадим ретивых воев и, бросившись на Рюрика, сам опрокинет того на землю.

Точно угадав эти желания, Рюрик спешил. Князь поравнялся с обидчиком, замер.

– Чего стоишь? Руби... безоружного! – прохрипел Вадим, сгибаясь под тяжестью висевших на нем ратников. – Я не покорюсь тебе!

Все ждали от князя каких-то слов. А вдруг еще Рюрик снова выхватит меч из ножен, да и со всего размаху... Бабы зажмурились, но Добря смотрел во все глаза. Вот-вот сейчас «ослободит» князь врага и сойдется с ним в честном поединке. А там уж чей жребий перевесит!

– Много чести, – ответил Рюрик.

Добря ойкнул, обманувшись в ожиданиях.

В тот же самый момент варягам удалось повалить Вадима на колени.

– Изверг! Дай хоть слово последнее молвить!

– Нет.

– Великие боги! Почему же вы помогаете не мне, а этому самозванцу?! – воскликнул Вадим. Молитва или проклятия слетели бы с его уст вновь, но продолжить он не сумел.

Рюрик стремительно шагнул вперед и ухватил Вадима за голову.

– Шею свернет! – ахнули в толпе.

Князь зарычал, с разворота рванул вверх. Хрустнуло, кожа на шее лопнула, кровь брызнула горячей струей. Державшие Вадима варяги отпрянули. Он же, все еще живой, взвыл, попытался воспротивиться, но следующий неистовый рывок сломал позвонки, шейные мышцы лопнули, как толстые, но гнилые канаты. Рюрик опять зарычал, ухватил крепче и скрутил голову с плеч. Вслед за ней потянулась кровавая полоска, подоспевший дружинник одним ударом отсек хрящи и жилы. Руда выходила из обезглавленного тела толчками, щедро заливала и без того багряную почву.

В этот миг мало кто смог бы узнать в князе того самого Рюрика – справедливого, светлого. Он вертел мертвую голову Вадима в руках, смотрел с нечеловеческой ненавистью. Затем самолично насадил на воткнутое тут же копьё и сказал, кивнув на тело:

– А это отвезите обратно, в самый Словенск. Поставьте перед домом его. Пусть родня, коли еще жива, полюбуется. Всякого, кто вознамерится похоронить, – удавить. Кровь за кровь!

...Князь ступал тяжело, лицо по-прежнему серое. После расправы над Вадимом боль и гнев не отступили. Рюрик на мгновение застыл, запрокинул голову, подставляя лицо мелкому, морозящему дождю.

– А что с этими делать? – чуть слышно спросил дружинник, кивнул на мятежное мужичье.

Толпа горожан заколебалась. Женщины застыли, мужчины сжали кулаки, оры детей стали громче, пронзительней. Помутневший взгляд князя скользнул по толпе, губы сухие. Он вздохнул так тяжело, будто на груди покоится огромный валун, сказал бесцветно:

– Вадима в князья хотели? И чем же так полюбился? Пел, поди... Рюрик – зверь, а сам – милостивейший человек. Вольности обещал, богатства? Хотя что для мужичья богатство? Правда? Свобода?

Горожане даже не пискнули. Простолюдины опускали глаза, кто-то дрожал, кто-то хмуро рассматривал кровавое месиво под ногами. Побитые, в окровавленных рубахах и со смертельной бледностью на некогда румяных лицах.

– Не ждете милости от Рюрика, – проронил князь горько. На мгновение туман в глазах сменился огнем, голос зазвучал хищно: – Не сдюжил Вадим, вел к свободе, а вывел на плаху. Так кто из нас двоих зверь?!

Помедлил, словно ожидая ответа. Да кто бы осмелился?

– Отпускаю! – громыхнул Рюрик.

Площадь выдохнула.

– Но с условием.

Народ вновь затаил дыхание. Добря почувствовал, как в груди вспыхнула и сразу же погасла надежда.

– Чтоб глаза мои вас больше не видели. Три дня даю! Три! После дружинники пойдут по избам, по лесам и тропам. Кого из виновных поймут – изрежут на куски и мясо по болотам раскидают. И душонки ваши подлые до скончания веков будут по миру скитаться, никогда не узнают покоя. Прочь!

Добря втянул голову в плечи, задрожал, а мамка завывала, как осиротевшая волчица. Дружинники отходили за князем, суровые и настороженные. Народ хлынул было вперед, к стене, где толпились опальные мужики, но так и не решились подойти. Мятежники не сразу сообразили, что их больше не удерживают, не охраняют, смотрели на мир озверело...

Глава 5

...Рюрик криво усмехнулся и спросил, взглядываясь в лицо старика:

– Прознал я, любимец богов, что и луны еще не минуло, как сей Вадим вызвал тебя в гости.

– Не вызвал, попросил. Гонцы передали, что разговор важный. Вот я и пришел, так же как прежде приходил к тебе и к другим, когда им надобно, – проскрипел волхв.

– А говорил ли он с тобою, как бы лучше род мой извести? – спросил Рюрик злее.

– Была и о том его речь, княже. Но, как мог, я пытался отговорить неразумного Вадима. Он не послушал доброго совета.

Лицо Рюрика побелело, пальцы впились в подлокотники, а голос зазвучал страшным, звериным рычанием:

– И так не послушал, что две жены мои, дети малые уже будут вскоре беседовать с предками в светлом Ирии? А два брата родных на черте жизни и смерти... Если бы ты поведал о его намерении... Ты видел, сколько пролилось крови и сколько слез?

– Я скорблю о павших не меньше. Семьи оплакивают... то несомненно, но каждая – своих. А мне они все как дети. Если же ты, князь, знаешь достоверно, что родичи твои пребудут в ирийском саду у божьего терема, – утешь душу.

– А не боишься ли ты, старик, гнева моего? Да если бы я убил Вадима сотню раз, то и это бы не излечило мне сердца!

– Я не страшусь княжьей кары, ибо на все воля богов, – спокойно ответил волхв. – Это они рассудили, кому продолжить дело Гостомыслово. Вадим усомнился в мудрости Велесовой, и где теперь тот Вадим, где ближние его...

Олег, доселе стоявший бессловесно, выступил из полумрака, точно призрак:

– Ты спрашиваешь, где они? Или ты размышляешь о судьбах человеческих? Так слушай же, что вот этими руками я охотно бы придушил и склочницу Рогану, и всех Вадимовых жен и отпрысков. Но они опередили меня, избавили от угрызений совести, едва пришла весть о неудаче мятежников.

Брови волхва медленно поползли вверх, он изучающе глядел на Рюрика. Князь не ответил на немой вопрос старика, вместо него отозвался Олег:

– А чего ж ты хотел? Как иначе? Иначе никак нельзя! Если бы я не догадался разложить руны, то и моя сестра была б сейчас на пути к Фрейе⁴. Ты, премудрый волхв, зная достоверно, что готовит Вадим, не вмешался. И предоставил богам самим решать этот вопрос, а я...

– Никогда не был осведомителем, северянин! И не буду, – прервал Олега волхв.

– Ага, прямо христианский жрец в исповедальне! – нехорошо усмехнулся княжий шурин и продолжил: – А я получил лишь намек, но сделал все, чтобы уберечь и князя, и сестру, и людей своих, не уповав больше ни на каких богов! Это я, а не боги привели на подмогу, и Сивара, и Трувара, и людей из Ладogi.

– Ты плохо кончишь свои дни, Орвар Одд! – вдруг произнес старик. – Признайся, это была твоя задумка – навести Вадима на княжий город. Это ты заманил его? Но какой ценой?!

– Скажи что-нибудь еще, волхв! Только умное...

– Вижу, тебе предстоит умереть от коня.

– Ничто не ново под луной, – усмехнулся Олег, обернувшись к князю. – Это дело я уже давно уладил. Но тебе, волхв, суждено сгинуть раньше, и смерти моей ты не увидишь.

⁴ Фрейя – богиня в скандинавском пантеоне, владевшая половиной душ умерших. Наверное, павшие герои причитались богу Одину, а их женщины – Фрейе.

– Довольно! – прервал их спор Рюрик и, обратив взор на старика, сказал глухо: – Вот решение мое. За молчание, стоившее нам гибели стольких добрых соратников, детей и жен, я мог бы наказать тебя. Но, отдавая дань летам твоим и в память о прежних временах, о славном деде, короле Гостомысле, дарую прощение. Иди с миром и доживай свой век. А сейчас должно всем нам проводить павших с почестями, как подобает героям... Пролить кровь в одну землю за единое дело, побратались нынче и мои варяги, и верные мне словене, и мурмане тож. И уходить им вместе в одном пламени. Ты, волхв, будешь говорить за славян, а ты, Одд, за северян скажешь.

Словно бы ожидая одобрения со стороны Олега, князь встретился с ним взглядом. Закусив губы, Олег кивнул. Небрежным жестом Рюрик отпустил старика.

«Великие боги! Кабы мы знали, в какие железные руки вверяли и землю свою, и судьбу!» – подумал волхв, ковыляя к двери.

Олег шагнул к Рюрику:

– Выслушай, не гневись! Негоже трупам, пусть и вражьи, у самого города валяться. Прикажи закопать, пусть их черви едят.

Лицо Рюрика искривилось, будто глотнул отвара полыни, а в голосе прозвучала издевка:

– Смрада боишься?

– Болезней, – смиренно отозвался Олег.

– Ты верно говоришь, Одд, но решения не отменю. Нам эти болезни не страшны будут. По свершении обрядов в Словенск выходим. Дорогой ценой мне город сей достался, – прошептал он, – не смогу здесь. Новый построим, на том берегу.

– А толку?

– Есть толк, уж поверь. Если нельзя истребить осиное гнездо, то уж приглядывать за ним можно. Я еще мост через Волхов переброшу.

– Большой мост выйдет, шагов триста.

– А иначе никак, и главное – высокий, чтобы любое судно при полном парусе пройти сумело, – прошептал Рюрик.

– Да... Чую, немало крови на том мосту прольется...

– Пусть, если иначе нельзя. А там боги рассудят меня с новгородцами.

– Как ты сказал? – не понял Олег.

– Раз новый город, а не Словенск, стало быть, Новгород. И не просто словене, а новгородцы.

Рюрик прикрыл глаза, замер, на несколько мгновений превратился в бездвижного истукана.

– Кого в Белоозеро поставишь, коли Сивар... – осторожно спросил Олег.

Князь тряхнул головой, губы растянулись в горькой усмешке:

– Полату ехать. Здесь ему делать нечего, кроме как по мамке рыдать. А там мужчиной станет... Но время. Курган погребальный велю тут же насыпать – чтобы каждодневно смотрели и вспоминали. Нам же отныне здесь лишь тризны справлять, но не жить. Да и как жить? И отца уж как год не стало. Проклятые германцы! За ним и мать.

Олег положил ему руку на плечо и ответил:

– Как сказывал мне старый Ингьяльд, правил у ромеев некогда князь Аврелий. И была у него поговорка: «Делай, что должно. И будет, что будет».

* * *

Дождь усиливался, капли падали на землю с громкими шлепками. Из крепости выкатили пару бочек, откупорив, щедро поливали погребальную краду маслом. Гора сложенных тел, как почудилось Добре, уходила к самому небу, была выше любого терема. Подле нее остались

немногие воины, среди которых высился Орвар Одд. Лицо северянина почернело от горя, а огненные кудри потускнели. Рядом с ним, опершись на посох, встал волхв.

Рука волхва – худая, с острыми, выпирающими костяшками – потянулась к небу, губы чуть шевелились. Народу неизвестно, что шепчут Велесовы служители, но все заметили, с какой яростью засверкали молнии. Огненные стрелы резали небо, освещали землю и лица всех, кто стоял в этот час на холме. Волхв, не глядя, передал посох Олегу, словно бы признавая за тем равную Силу. Северянин принял, так же – не глядя. Старик снял с пояса худой мешочек, вынул сухой мох и особые камни, разложил тут же, на самом краю крады.

Едва ворох искр коснулся мха и промасленного дерева, к небу потянулись тонкие струйки дыма, а в следующий миг вспыхнул огонь. Оранжевые языки слизывали сперва масло, после принялись вгрызаться в бревна, пожирать кровь умерших, одежды, тела. Дым от погребального костра прижимался к земле, застелил весь холм, наполнил воздух запахом горящего мяса, запахом смерти.

Не помня себя, Добря поплелся вслед за мамкой, к дому. Позади безмолвной тенью следовал отец. И хотя мальчик не видел лица, чувствовал – плачет батька. Город погружался в могильное молчание, а погребальный костер разгорался все ярче, тянул руки к небу, и никакой дождь не мог уже загасить это ненасытное пламя.

...Едва переступили порог, отец начал сборы. В дорожный мешок складывал самое нужное: легкий топор, запасную рубаху, соль. В стороне лежали широкий пояс и любимый нож Вяча с рукоятью из оленьего рога. Мать, вопреки всем устоям, принялась печь хлеб, тихо всхлипывая. Младшие братья и сестренка улеглись на лавке, в дальнем углу, долго капризничали, но все-таки засопели.

Добря тоже лег, но уснуть не удавалось. Ему то и дело слышались крики и хрипы, лязг оружия, перед глазами вставали порубанные воины Вадима и горожане, окровавленная голова Торни... Но чаще других вспоминалось лицо Олега. Даже сейчас, в мыслях, Олег глядел на Добрю с укором.

Слуха касался шепот – родители переговаривались, мать часто всхлипывала. Ее шаги почти беззвучные, но торопливые. Видать, мечется по дому, собирает в дорогу мужа. Ближе к утру в дверь постучали, в избу вошли еще четверо мужиков. Добря продрал глаза, не таясь, рассматривал гостей. Артельщики, те, кто выжил в кровавой схватке и был помилован. За плечами каждого – худой дорожный мешок, а лица как у покойников.

– Пора, – прошептал отец. Он крепко обнял жену и шагнул к двери.

Добря вскочил, метнулся вперед, заорал:

– Батька! Батька!

Вяч повернулся, раскрыл объятия, прижал сынишку к груди.

– Теперь ты за мужика, Добря. Береги мать, младших береги. Все наладится, все наладится.

– Почему нас с собой не берешь? – взвыл мальчик. Ухватил отца за шею, прижался крепче. Горячие слезы лились беспрерывно, жгли глаза.

– Нельзя. Вам жить, а мне – если настигнут – помирать. Береги мамку, Добродей!

Вяч разжал руки, но мальчик вцепился крепко, повис на отцовской шее. Подоспел кто-то из отцовских товарищей, помог отодрать Добрю от родителя.

– Прощайте! – бросил Вяч. – И да хранят вас боги! Жив буду – дам знать. А нет – не поминайте лихом.

* * *

Добря так и не сомкнул глаз. Мать тоже не спала – все ходила, ходила. Изредка садилась на лавку, закрывала лицо руками. Рыданий мальчик не слышал, но видел, как трясутся плечи. У самого сердце заходило жгучей болью, той, от которой высыхают все слезы.

– Что теперь будет... – обреченно проронила женщина. – Как жить?

Добря подошел на цыпочках, сел рядом. Отозвался шепотом:

– Выживем. Я на стройке работать буду, ведь умею уже.

– Как людям в глаза смотреть? – не слыша продолжала мать. – Что родня скажет? А он? Каково ему будет? На чужбине... Дойдут ли? А на чужбине-то и хлеб горький...

Она всплеснула руками, схватила за голову, забормотала горше прежнего:

– А если княжеские воины настигнут? Ох... Зачем только в город подались? Жили бы в деревне, пусть голодно, зато по чести. А теперь... позор, гибель...

Добря прижался щекой к мамкиному плечу, молчал. Потом, словно в утешение, молвил:

– Нет, их не поймают. За три дня далеко можно уйти.

За окном уже светло, новый день обещает быть жарким, хоть и конец лета. На улице необычно тихо: ни стука топоров, ни выкриков румяных хозяек. Только петухи дерут глотки – этим людское горе не ведомо, знай себе – кукарекают.

– Я воды принесу, – сказал Добря угрюмо. – А ты квашню новую ставь, хлеба почти не осталось.

Мамка опомнилась. Ведь и правда, не осталось – все хлеба Вячу в мешок сунула, да только что тех хлебов? Дай бог, чтоб на неделю хватило! А дальше мужику кореньями питаться, если волки раньше не задерут.

Добря смерил мать придиричивым взглядом и поспешил на улицу.

От ночного дождя земля разжирила, босые ноги утопают в грязи. Погребальная крада все падает, видно, как дым поднимается высоко, до самого Ирия доходит. Вместе с ним возносятся души погибших за правое дело.

Обычно в это время у колодца толпятся хозяйки, воду берут и сплетничают заодно, косточки соседям и мужьям моют. Но сегодня – ни души. И улица пустая. Редкие прохожие друг на друга не глядят, опускают головы. Вот и Добря опустил глаза, едва увидел вдалеке человека.

Набрал полное ведро, понес. От такой тяжести рука заболела сразу, перехватил, щедро плеснув водицы на землю. Пару раз поскользнулся, едва не упал. А у самых ворот пришлось остановиться. Мальчишки – вчерашние товарищи – выстроились стеной, руки сложены на груди, на лицах злость.

Добря протянул по-взрослому хмуро:

– Чего надо?

Вперед вышел самый рослый:

– Это твой батя мужиков на бунт подбивал.

Добря насупился, сжал кулаки. Взгляд заскользил по суровым лицам мальчишек, в животе похолодело.

– Брехня, – прошипел Добродей.

– А вот и нет. Он мужиками командовал, когда Рюриков терем брали. Там отроки были, все видели.

– Врут твои отроки. Они в крепости сидели, как осинки тряслись.

Рослый прищурился злобно, угрожающе надулся:

– Их не сразу в крепость загнали, только когда резня началась. А до этого все видели. И брехать не станут, поди, не ты.

Добря оскалился, шагнул вперед, так, что между ним и обидчиком остался всего шаг. А тот не унимался:

– Твой батя всех погубил. Он виноват!

– Нет!

– Да! – рявкнул обидчик.

Остальные кивали молча, испепеляли взглядами. Но приблизиться и напасть не решились. Добря гордо вскинул подбородок, выдал усмешку:

– Зато теперь ясно, в кого вы такими трусами уродились. Кабы ваши отцы не отсиживались, а сражались по чести...

– Мой батя погиб! – закричал рослый.

– И мой, – проронил кто-то из толпы.

– И мой не вернулся, – всхлипнул третий.

– Да пошли вы! – крикнул Добря.

Рослый оскалился, но сказал спокойным тоном, от которого даже солнце похолодело:

– Мы уйдем. Но тебе совет – на улицу не высовывайся. Бить будем всякий раз, как встретим.

Добре хотелось закричать, броситься на лгунов с кулаками, но те развернулись и зашагали прочь. А в спину даже последний предатель не ударит.

– Ничего, ничего, – пробормотал Добря. – Я вам еще покажу и уши начищу, как следует. Вруны. Клеветники. Трусы!

Слухи о бойне в Рюриковом городе, да и в самом Словенске, что учинили мурмане Олега, разнеслись удивительно быстро. Уже к вечеру в избу нагрянул старший мамкин брат. Мужик простой, деревенский. Плечи до того широкие, что даже в дверь протискивался боком. Сам пахарь, ну и охотой изредка промышляет. Говорят, однажды медведя в чаще встретил, придумал косолапого.

Детвору мать из дому не выпускала, но и взрослые разговоры слушать нечего. Пришлось в дальнем углу ютиться. Младшие обрадовались неимоверно, давай на Добре виснуть, вопросами засыпали по самые уши. А сестра молчаливо вертела куклу, пусть и самая маленькая, а вперед братьев смекнула, что горе в семье, да такое, что словами не описать.

Добря терпеливо развлекал малолетних, истории рассказывал. Впрочем, у самого получалось не так интересно, как у батьки и деда, хотя деда мелюзга и не помнит. Мальчишки все на дядьку косились, ахали: какой огромный! Утомились только, когда за окошком ночь простерлась, уснули тут же, на полу. Добря подтащил одеяло, лег рядом, укутал всех.

Зажмурился крепко, поворочался для вида, даже засопел.

– Перебирайтесь снова в деревню, – шептал дядька. – Места вы немного занимаете, а из охламонов твоих добротных пахарей вырастим.

– Да куда... – горько вздохнула мамка. – Тут уж и хозяйство налажено, протянем как-нибудь. Только стыд похлеще дыма глаза выедает, не скоро народ забудет. На улицу выйти боюсь, пальцами тычут.

– Да... натворил Вяч делов...

– Он как лучше хотел. Думал, за правду сражается. А видишь, как вышло? Боги-то рассудили, что справедливость на другой стороне.

– А Рюрик-то в самом деле Вадиму голову оторвал?

– Да, живому. До сих пор перед глазами. А жить-то как теперь! – Она всхлипнула чуть слышно. – И Добря сам не свой теперь ходит.

– Добря сдюжит, – отвечал брат. – Он в нашу породу уродился.

– Кабы и вправду так.

– Вяч далеко пошел, не знаешь?

– Не знаю. Должно быть, далеко. На землях Рюрика ему житья не будет, значит, в другие земли отправился. Я спрашивала, куда пойдет, а он не ответил. Сказал, весточку пришлет, если все будет в порядке... Тяжко... Душа за него болит, больше, чем за детей.

– Я б на его месте в Киев отправился. Там земли чернее и князь, сказывают, добрый.

– Да разве ж в князе дело? Кто он там? Без рода, без семьи. Ни кола, ни двора... Сирота. А сколько до того Киева скитаться? Поди, до зимы не дойдет. А если не дойдет – перемерзнет. – Голос сорвался на писк, мамка всхлипнула: – И похоронить-то некому будет! И помянуть!

Снова завывала. Брат, как мог, успокаивал, по голове гладил, что-то шептал.

От пережитых несчастий сон навалился быстро, тяжелый, как дурман. И сновидения пришли жуткие, все кровью залито, от края до края. Добря несколько раз просыпался – мамка с братом все сидели, говорили. Пытался послушать разговоры, но снова проваливался в тягучий, как вареная смола, сон.

На рассвете снова отправился по воду, сходил дважды. Пока шел, все надеялся увидеть мальчишек, что посмели так несправедливо отзываться о батьке. Но те, видать, обходили стороной – знать, не успеет вразумить вчерашних товарищей.

Пока мамка с дядькой чистили курятник, Добря вытащил из дальнего угла старую холщовую котомку, сложил в нее вторую рубаху, маленький топорик – тот, который отец подарил, завернул в тряпицу краюху хлеба. Ножик пришлось стащить, благо у них в доме еще цельных два ножа – роскошь!

Когда прятал котомку в клетки, мамка едва не застучала. Но Добря деловито схватил грабли, поспешил в огород. Урожай в этом году обещал быть знатным – лето теплое, да и с дождями неплохо. Оглядев съестные припасы, дядька снова забурчал, дескать в деревню перебираться надо, а мамка поспешила в избу, кашу готовить, дабы не думал, что и впрямь голодают.

Едва за старшими закрылась дверь, мальчик утер рукавом нос, бережно отнес грабли на место. Подхватил поклажу и мышкой выскользнул на улицу.

День в самом разгаре, солнце светит ясно, по небу плывут пушистые облака. Стараясь не попадаться на глаза горожанам, Добря заспешил туда, где городской холм, очерченный рвом, сходит на нет, сменяется заболоченной полосой, за которой шелестит лес.

– Еще б понять, куда идти, – вздохнул мальчик и прибавил шаг.

Глава 6

В конце улицы только один дом, раньше здесь жил оружейник. Его семья ныне тоже осиротела, сынов оружейника тоже поди бить будут. А они ребята крепкие, если сговориться, можно всем навалить, но толку?

Он прокрался мимо двора, пригибался, чтобы не заметили. Но едва оказался на окраине города, дорогу перегородили четверо. Добря не сразу узнал отроков – слишком бледные, и рубашечки уже не белоснежные, запачканы грязью и копотью.

– Ой, вы только посмотрите, кто пришел... – протянул щербатый мальчишка с рыжими волосами.

Добря тряхнул головой, прогоняя внезапный морок – на миг почудилось, будто это Торни из мертвых восстал.

– Уйди с дороги, – отозвался Добря. – Не до тебя сейчас.

– Конечно! – А этот голос пробрал до костей, вскипятил кровь.

Роська не улыбался, глядел во стократ злее, чем все городские мальчишки, вместе взятые. Злее, чем Рюрик глядел на Вадима, когда голову скручивал.

– Уйди, – повторил Добря и решительно шагнул вперед.

– Вот, значит, как... – протянул Роська. Мальчик отстранил товарищей, кивком пояснил, что сам разберется. – Наделал дел, и в кусты? Видел, как твоих приятелей вчера порубали? А это видел?

Роська кивнул в сторону рва, Добря невольно проследил взглядом и похолодел. В заболоченной меже в ряд лежали покойники. Воины Вадима и других бояр, босые, в исподнем, лица искорежены злобой. Вперемешку с ними – простые мужики. В этих нет злобы, лица до того несчастные, что слезы наворачиваются. Все молодые, сильные, здоровые. Жить бы да жить... И у каждого в городе остались жены, дети.

– Дай пройти, – сказал Добря совсем тихо.

– Да? А что это у тебя за спиной? Котомка? Неужто решил сбежать?

– Не сбегаю. По делу иду. Куда – не скажу, не велено.

– Ах ты ж врун... зазнайка. В деревне нос задирал и тут тоже? А че задираться-то? Батька твой ведь того... пришибли его ночью.

– Как?..

– А вот так! – рыкнул Роська и метнул кулак.

Тяжелый удар врезался в лицо, едва глаз не выбил. Добря закричал, попытался увернуться от нового удара, но Роська подскочил, еще и ногой поддал. Сын плотника не устоял, покатился по земле, успел подняться прежде, чем Роська снова кинулся в драку. В этот раз Добря не сплеховал – ухватил противника за грудки, тряхнул, бросил на землю. Сам прыгнул сверху, начал молотить по голове, кричать, клочьями рвать волосы. Роська не сразу сумел освободиться, а когда вырвался, оседлал врага и осыпал градом ударов, напоследок плюнул в лицо. И что-то оборвалось...

Добря больше не мог сопротивляться, бессильно лежал на земле. Слезы кусали глаза, скатывались по щекам, рыдания разрывали грудь.

– Что, получил, гад?

– В ров его! – крикнул тот, что так походил на Торни.

Отроки схватили Добрю за руки и ноги, раскачали и с хохотом швырнули в болотистую колею, к покойникам. В спину сразу же вонзилось что-то острое, мальчишка закричал. Ответом ему стал злорадный смех и плевки отроков.

– Сдохни! – прокричал Роська.

В нос ударил знакомый запах – кровь и нечистоты. Но теперь к нему добавилось что-то еще. Вчерашний день был жарким, солнце палило вовсю, трупы подгнили, да и вороны потрудились на славу – потрошили без усталости, клевали глаза, лакомились синими, вывалившимися наружу языками. Болотистая земля тоже смердела, но трупный запах перебил гниение земли.

Добря лежал в оцепенении, не в силах подняться, к горлу подкатывала тошнота. Мальчик из последних сил повернул голову, чтоб не захлебнуться рвотой, и взору предстало изуродованное лицо оружейника. В пустых глазницах копошились белые личинки мух.

Тошнило Добрю долго. Он перевернулся – только бы не видеть убитого – и понял: ведь и лежит на трупе. Воин. Молодой, светловолосый, с красивыми конопушками на щеках. На таких все девки вешаются, от самой младшей сопли до первой красавицы. Глаза воина тоже вырваны вороньим клювом.

– Батя, – прошептал Добря. – Батя погиб...

Попытался приподняться, но перед глазами заплясали черные точки, сознание затуманилось. Он упал и затих.

А очнулся ближе к ночи, долго пытался вспомнить, где находится. Кое-как переполз через груды тел, тут же по щиколотки увяз в болотистой жиже. Лес был уже в двух десятках шагов, а за спиной на холме – притихший город. Добря заставил себя доползти до первых молоденьких елочек, снова рухнул.

– Батя погиб, – сказал мальчик самому себе. – Все.

Мысль оказалась до того жуткой, что в глазах снова потемнело. Собрав последние силы, Добря поднялся и поплелся дальше. Страшные разлапистые деревья стояли стеной, протяжно скрипели. Ветки цеплялись за волосы, ударяли по щекам. Изредка прикосновения веток были как будто ласковыми, словно те пытались стереть слезы с мальчишеского лица.

Добря брел, не помня себя, смотрел на мир невидящими глазами. Порой разум подсказывал: заплутал, но мальчик отмахивался от этих мыслей – как можно заплутать, если идешь по кромке леса? Оглядывался в поисках просвета и, не находя его, шел дальше.

Река перегородила путь внезапно, а он, не раздумывая, бросился в воду. Течение сносило, а Добря сопротивлялся, как мог. Барахтался, бил ногами и руками, подныривал. Только силы оставляли еще быстрее. Отмель стала неожиданным подарком богов. Он перевел дух, снова поплыл. А когда выбрался на берег, над головой уже висел толстый лунный блин.

Средь пышной осоки квакало на все лады. Огромные лягушки прыгали под ноги, на одну даже наступил и, поскользнувшись, едва не полетел в грязь.

Хотя луна светит не хуже солнца, идти дальше не решился – места незнакомые, да и сил совсем не осталось. Он выискал самую большую елку, ветви которой достают до земли, укрывая от дождя и посторонних взглядов, и уснул на хвойной подстилке как убитый.

* * *

В голове трусливо бьется только одна мысль: а может, вернуться? Но ноги несут вперед торопливо, бесстрашно.

В животе рычит так, что, попадись на тропке медведь, примет за сородича. Запасенный хлеб после вчерашнего плаванья окончательно размок, превратился в жижу и растекся по всей котомке, а искать съедобные корни и ягоды – некогда.

Отец ушел два дня тому. Если и вправду отправился в Киев, значит, двигался на юг, вдоль берега Волхова, затем Ильменя... Ведь другого пути нет?

И погиб, стало быть, здесь же.

– А вдруг его уже никто никогда не найдет?! – ужаснулся Добря. – А не похоронят почеловечески, бродить ему заложным покойником до конца времен...

Да и ему, Добре, сыну-то, всю оставшуюся жизнь мучиться!

– Не вернусь, – бормотал Добря, стараясь хоть как-то заглушить бешеный страх и стыд. – Все равно не вернусь! Приду в Киев вместо отца. Как-никак надежда есть – если отцовы артельщики выжили, к ним примкну, авось не прогонят.

Только вот мысли о матери слезы нагоняют, но мальчик сердито утирается рукавом, сморкается по-взрослому, прям на землю. Это в воду нельзя, а земля все стерпит, как мамкин подол.

В зелени листвы уже видны золотые листочки, от воды веет холодом. Изредка в реке плещется и хохочет, но русалки то или рыбы – непонятно.

– Наверняка русалки, – пробубнил Добря.

На всякий случай выудил из котомки топорик, освободил от тряпья. Крепко сжимая рукоять, углубился в лес, чтобы от реки подальше.

– Конечно, кто их в этой глухомани задабривать будет? Кто проводит как положено? Вот и резвятся навки до самой глубокой осени. Благо железа холодного не выносят – хоть какой, а оберег.

И рассуждал вроде бы здраво, а по спине нет-нет да пробегали мурашки – что, если русалки все-таки выскочат? И схватят?!

Ближе к полудню одолела такая жажда, что пришлось продираться к озерной глади. Пил торопливо, отгоняя комарье и водомерок, да и мальки, казалось, так и норовили забраться в рот.

А к вечеру боги смиловались, вывели-таки на тропку. Да незнакомая она, никогда в этих краях не хаживал, но человеческая, это точно! Изредка в подсохшей грязи попадались четкие следы сапог, несколько раз видел отпечаток голой ступни. Но и копытца тут прохаживались, и не раз.

Добря не сразу сообразил, что самому лучше идти по траве, чтобы заметных следов не оставлять – ведь Рюрик обещал снарядить погоню! Что, если дружинники и его за мятежника примут? Ведь на кол посадят, даже глазом не моргнут!

Хоть дневное светило давно закатилось за горизонт, сумерки сгущались медленно. Когда Добря вновь вышел к берегу, на сей раз песчаному, – взору мальчика открылась бескрайняя водная гладь. Другой берег не узреть, только вода и небо, расцвеченное последним взором сонного солнцебога. Прежде никогда этой красоты не примечал.

Когда в распахнутый рот залетел комар, опомнился.

– Ильмень, – прошептал мальчик. – Вот уж море так море...

Над спокойными водами все еще носились пронзительные чайки, кричали истошно, отчаянно, как и душа мальчишки. Он осторожно спустился к воде, зачерпнул ладошкой. После согнулся, пытаясь рассмотреть собственное отражение – лицо уже осунулось, глаза впали.

Внезапный шорох за спиной заставил отпрянуть, едва не полетел в воду. Кусты снова шевельнулись, листья зашептали зловеще.

– Кто здесь? – воскликнул Добря, ухватывая топор. Чуть пригнулся – готовый в любой миг броситься на подлеца, который смеет подкрадываться со спины. Завопил еще громче, злее: – Выходи!

Ответом стал приглушенный рык. Сердце замерло, похолодело, кровь в жилах превратилась в ледяное месиво. Волк шел, пригибаясь к земле, веточки кустарника услужливо расступались перед клыкастой мордой. Огромный, седой, куда крупнее обычных лесных охотников, грудь широкая, морда в шрамах.

«Вожак, – мысленно простонал Добря. – Или того хуже – одиночка».

Нашупал ладанку на груди, губы зашептали бережные слова. Но волк даже ухом не повел, видать, в этих лесах обереги не действуют! Леса-то чужие! Зверь зарычал, оскалился. Клыки, огромные и острые, как мечи княжых дружинников, блестели в мертвенном свете едва

показавшейся луны. Серебристая шерсть поднята на загривке, мерцает, переливается, уши прижаты.

«Вода!» – мелькнула спасительная мысль.

Стараясь не озлобить зверя окончательно, Добря, все еще сжимая рукоять, в общем-то, бесполезного топора, начал медленно отступать. Босые ноги сразу же утопи в вязком, склизком иле, пяткой напоролся на острый камень. Внутри все сжалось, кровь ударила в виски и затылок. Благо волк еще не понял хитрого маневра, наступал медленно, запугивал.

Когда серый подошел к краю берега, Добря был уже по колено в воде. Внутри все оборвалось – не успеть. Волчара настигнет в один прыжок, как только дернешься, и никакая сырость уже не остановит зверя.

– И косточек не найдут... – выдохнул путник.

Волк замер, уши чуть приподнялись. Взгляд в одно мгновение утратил злобу.

– Чего уставился? – пробормотал Добря обреченно и опустил топор. – Жри уже.

Издалека донесся зычный клич:

– Сребр, ко мне!

Зверь метнул короткий взгляд в сторону леса, снова покосился на запуганного мальчугана. Добря втянул голову в плечи, готовый в любую секунду рухнуть под тяжестью мохнатого тела, уже представил, как кровь из шейной вены обогрывает прозрачные воды Ильменя.

– Сребр! – Голос прозвучал требовательно, на миг показалось, человек не зовет – приказывает!

«Морок, – подумал Добря. – Какой человек посмеет повесить голос на такую зверюгу? Морок. А может... не человек, а сам Лесной Хозяин зовет? Этому все дозволено. И раз тоже слышу, значит, я уже того... помер».

В груди больно кольнуло, ноги подкосились, и мальчик с размаху плюхнулся в воду.

Брызги полетели во все стороны, волк неодобрительно фыркнул, тряхнул мордой. И, будто передразнивая Добрю, тоже сел. Потом вскинул голову, завыл протяжно.

– Сребр! – Голос прозвучал гораздо ближе, чем прежде.

Кусты затрещали, нехотя пропустили огромного широкоплечего мужика. На смуглом обветренном лице не хватает одного глаза, от правой брови к скуле тянется уродливый шрам, щеки и подбородок покрыты густой порослью. Одежда на мужчине истертая, руки длинные, как весла, мощные. И хотя Добря никогда не видел разбойников, понял – этот именно из таких.

– Сребр!

Волк повернулся, мотнул мордой в сторону паренька.

– А это еще кто? – нахмурился одноглазый.

Добря сглотнул, оцепенел от ужаса.

– Эй, малец! Чего в такую глушь забрался? Заплутал?

– Я... Я за батей иду, – признался мальчик.

– За батей? И это ж в какие дали?

– В Киев.

Губы мужика дрогнули, улыбка получилась скользкой, мимолетной.

– Сам-то откуда будешь? Из Рюрикова града, что ли?

Добродей даже кивнуть не смог. Страшная догадка была подобна испепеляющему удару молнии. Одноглазый – вовсе не разбойник, а гораздо, гораздо хуже! Лодочник. Тот самый, о котором рассказывают во всех окрестных селеньях. Де живет он у тихой речушки, что впадает в Ильмень, и служит не абы кому, а самому водяному царю, утопленников на тот свет переправляет.

– Эй! – вновь окликнул мужик. – Долго в воде сидеть собираешься? Вылазь, путешественник... И железом не свети.

И Добря подчинился, просто не смог воспротивиться пронзительному взгляду единственного ока. Да и толку возражать? На берегу от громилы не укрыться, а в воде и подавно. Глядя на растерянность мальчика, Лодочник заметно повеселел, озорно подмигнул волку, а Добре бросил суровое:

– Пойдем.

Неприметная тропка вывела к небольшой речушке.

На берегу крошечный костерок, даже не костерок, а так – угли. Рядом с ним массивное бревно, ни один человек такую махину поднять не сможет. Добродей боязливо сглотнул, в очередной раз покосился на одноглазого, рядом с которым даже исполинский волк казался щенком. Сердце в груди ныло, не переставая.

Речушка искрилась лунным серебром, приглядевшись, Добродей различил борт лодки.

– Садись, обсохни, – приказал мужик.

Не успел Добря сделать, что велено, пихнул в руки лепешку:

– На вот. Подкрепишь.

Мальчик безропотно взял хлеб, осмотрел со всех сторон. Живот, который всю дорогу крутило от страха, отозвался протяжным урчанием, рот наполнился слюной. Он собрался было откусить, но вовремя опомнился – разломил на две части.

– Сам ешь, – отозвался одноглазый. – Я не голоден.

Добря глянул на угощение с опаской, но голод оказался сильнее разума. Вскоре Добродей забыл обо всем на свете, жевал радостно, пару раз чуть не подавился. Сребр сидел напротив, по ту сторону костра, жалобно облизывался. А когда последний кусочек лепешки исчез из вида, серый издал протяжный визг и обиженно опустил на брюхо.

– А теперь рассказывай, – улыбнулся хозяин, усаживаясь рядом.

Добря глянул виновато, пожал плечами. Все знают: разговаривать с нелюдью нельзя, но еще хуже – выразить неблагодарность гостеприимному хозяину, кем бы он ни был.

– Так я ж уже... вроде бы и все...

– Зовут как? – перебил мужик.

– Добрей. Добродеем.

Лодочник усмехнулся в бороду, сказал:

– Значит, добрые дела творишь?

– Не творю, – смутился мальчик, – просто имя такое.

– Нет, не просто. Просто так в этом мире ничего не случается.

Мальчик почувствовал, как щеки заливаются пурпуром, виновато опустил глаза.

– И идешь ты, стало быть, вслед за отцом? А почему вслед? Почему вместе с ним не ушел?

Добря не ответил. Под пронзительным взглядом единственного глаза мысли в голове попрятались и собственный поступок показался неправильным и очень глупым.

– Значит, отец тебя с собой не брал, – догадался собеседник. – Небось оставил дома – за старшего? А ты сбежал и мамку одну бросил. Так?

Потрескивание костра стало нестерпимо громким. Добря только кивнуть смог. А мужик заключил бесцветно:

– Ослушался. И мамка теперь одна, с младшими детьми... нехорошо, Добря. Нехорошо.

Мальчику очень захотелось вскочить, сжать кулаки и рассказать все-все, но смолчал. Только носом шмыгнул нарочито громко.

– А с чего решил, что батя твой в Киев отправился, а?

– Ну вот...

– Ясно. Идешь туда, незнамо куда. И незнамо зачем.

Ветерок подхватил дымный чад, бросил в лицо, но слезы выступили не поэтому. Добря прикрыл глаза ладошками, только вряд ли это поможет спрятаться от пронзительного взгляда собеседника.

– Значит, в Киев? А ты хоть знаешь, сколько до того града итить?

Мальчик закусил губу, насупился. На одноглазого не смотрел, молил мысленно: скажи, скажи, что близко!

– Эх, Добря! Если вот так, как ты, шагать... к следующей зиме успеешь, если боги в живых оставят. Только сомнительно: ты и первые заморозки не переживешь.

– И что же делать?

– Спать ложись. Как говаривают в народе, утро вечера мудренее.

Печаль навалилась тяжелым грузом, и Добродею вдруг стало совершенно безразлично все, что творится вокруг. И страх перед Лодочником отступил, и мысль о том, что, даже доберись он до Киева, отца уже не увидит, показалась мелкой, невзрачной. Он улегся тут же, на бревне, подтянул колени к подбородку и провалился в тяжелый, вязкий, как расплавленная смола, сон.

Глава 7

Город, на который Рюрик возлагал столько надежд, проводил его молчаливой скорбью. Унылые домишки, невзрачные дворики, темная громада круглой, как блин, крепости... все осталось позади. Еще пара часов езды, и Рюриков град, что впору уже сейчас назвать городищем, совсем скроется из виду.

Князь ехал, не оборачиваясь, ладонь на рукояти верного меча, взгляд острее копья. И кровь бурлит, едва не разрывает жилы. Горькие мысли то и дело сменяются воспоминаниями. Нет, не такой судьбы он ждал в этой земле...

...Не первую седмицу Старград, стольный град вагров, первенствующих среди прочих венецких да ободритских народов, обсуждал веселый княжий пир.

И не то чтобы столы пуше прежнего ломились от яств. И не то чтобы лихие ловчие загнали жирнее вепря и настреляли больше дичи. Да и медов было пролито и выпито, как и в былые годы. А случилось на том пиру нечто, изменившее судьбы многих...

Посредине залы горели костры, над ними в котлах бурила и пенилась хмельная влага. Полные кубки и рога передавались через всю палату, и князь Рюрик, сын короля Табемысла, освящал все напитки и яства, а стольничьи относили обратно. Первым был рог в честь бога богов Свентовита – его осушали также за победу славянского оружия. Потом возносили хвалу Сварожичу – пили за урожайный год и мир. Поминали и Чернобога, чтобы пропавшим в его чертогах не пришлось бы долго мучиться перед новым рождением.

По обыкновению подняв кубок, вознеся хвалу рогатому богу Леса, покровителю охоты, не поспевавшему и в этот раз, Рюрик вздумал наградить охотника, чьей меткости собрание было обязано сытной трапезой.

– Это Тот, кто в плаще! – назвали стрелка осведомленные бояре.

– Странное имя, – удивился князь, оглядывая незнакомца, поклонившегося ему из глубины длинной пиршественной залы. – Так что же ты, лучник, сел столь далеко? Доселе не видал я тебя, давно ли служишь нам? Приблизься и займи сегодня место по сердцу, – предложил он.

– Великий Херрауд, да не примут эти слова за обидные верные твои братья и советники. Я, будь на то воля твоя, прикрыл бы тебе спину, – отвечал незнакомец, выходя на середину залы пред очи Рюрика. – Ты не мог видеть меня прежде, потому как я не служу никому, кроме владетеля Перекрестков. Но мне и моим людям было дозволено перезимовать в Альдинборге, и эта добыча лишь малая плата за гостеприимство твоего народа.

Был он строен и высок, длинный потрепанный синий плащ укрывал его с головы до ног, а темный капюшон скрывал черты лица.

– Херрауд? Да, под этим именем меня знают за морем. Видать, ты прибыл к нам издалека? Отведай же старого меда, добрый стрелок! Кто бы ты ни был, мы рады чествовать героя, коли у него зоркий глаз и твердая рука.

По едва заметному знаку Рюрика расторопный отрок поднес незнакомцу полный пенной браги рог. Тот принял обеими руками, слегка поклонился князю, его родичам и женам, затем собранию. После незнакомец слегка плеснул хмельного на землю.

– Слава предкам! – провозгласил он и следом опрокинул в себя все содержимое, словно малую чарку.

– Добро! Я гляжу, ты чтить старые обычаи? – рассмеялся Рюрик, но посерьезнел и добавил: – Чтобы спину мне беречь, искусно стрелять – это мало будет. Надобно голову трезвую на плечах держать.

– Если у тебя, конунг, есть на этот счет сомнения, ты можешь испытать меня, – просто ответил незнакомец.

Как после рассказывали знающие люди, с чьих слов и сложены древние саги, хозяин решил подпоить своего гостя и дознаться, кто тот на самом деле. Перекинувшись взглядами с братьями, сидевшими за тем же столом, Рюрик дал ход состязанию.

– Готов биться об заклад, – сказал он, снимая золотой перстень, – что тебе не выиграть этот спор у Сигурда и Съельва.

– Ставлю большой черный лук и стрелы. Им не одолеть меня, – откликнулся незнакомец. – Если ты не возражаешь, пусть в этот раз мед черпает моя старшая сестра. В обычае нашего племени, когда женщина сама подносит хмельную брагу героям. Так лучше пьется!

– Я не против! – улыбнулся Рюрик. – Вели позвать ее.

– Гудмунд! – крикнул княжий гость через зал, обращаясь к кому-то из провожатых...

Через некоторое время она уже стояла у трона старградского князя. Едва лишь девушка вошла, стих и многоязыкий хор полупьяных мужчин, смолкли скороговорки венецианских жен. Воцарилось молчание, ибо никогда прежде не видел этот суровый и загрубевший в бесконечных войнах народ такой красы.

Ростом она была на голову ниже брата, но это бросилось в глаза, едва стали рядом. Пиршественную залу пересекла с грациозностью рыси. Белокурые волосы венчал тонкий золоченый обод. Девушка поклонилась князю в пояс. Он ошалело кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.